

- Стоять! – рявкнул он. Да, таким окриком и коня на скаку остановить можно – столько власти в голосе было, – но не взбешенную женщину, доведенную до предела:

- Да не пошли бы вы, – оглянулась на него я.
- Куда? – завис он.
- Куда шли.

ЛЮБОВЬ
И
МАГИЯ

A detailed illustration of a man and a woman in a library. The man, on the left, has long dark hair and is wearing a dark, ornate suit with gold trim. He holds a green bowl and a knife, looking intently at the woman. The woman, on the right, has long red hair and is wearing a light blue dress with a dark corset. She has red markings on her arms and neck, and her eyes are closed. The background is a library with bookshelves and a window with a decorative pattern. A small table with a candle and a cup is visible in the background.

ОСТОРОЖНО!

МУЖ-ВОЛШЕБНИК,
ИЛИ ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

ФРАНЦИСКА ВУДВОРТ

Annotation

Любимый муж, ребенок... Счастливую жизнь Виктории перечеркнула авария, и девушка очутилась в положении бесправной рабыни в другом мире. Она стремится разыскать свою семью, вот только что принесет эта встреча? Радость или боль разочарования? Срывая маски, придется набраться смелости и взглянуть на истинные лица окружающих. Кто друг и кто враг? Кому вообще можно верить в мире, где ты ценный приз и тобой хотят лишь владеть? У Виктории нет права на ошибку, ведь от выбора зависит судьба ее маленького сына...

Франциска Вудворт
Осторожно! Муж — волшебник, или Любовь без правил

© Вудворт, Ф., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Трель телефона вырвала меня из сна. Неловко выпутавшись из объятий объемной подушки, нащупала на тумбочке телефон и ответила.

— Да.

— Вик, что с голосом? Неужели спишь?

— Не, валяюсь. — Признаваться, что действительно сплю, когда другие в это время работают, было совестно.

— Я вам не помешала?

— Влад в отъезде, — сообщила подруге.

— Как же он уехал?! Тебе же скоро...

— Еще дней десять, а он завтра уже прилетает. И это я настояла на поездке, а то, будь его воля, он бы весь день с меня пылинки сдувал. — Марина издала умильный вздох. — Как у тебя дела?

— Клиент допек. Вот, думаю, позвоню, поговорю со счастливым человеком и напомним себе, что именно на работе ты свое счастье и повстречала.

В этом она была права. С Владславом мы познакомились, когда он пришел в наше агентство подобрать себе загородный дом. Между нами все так быстро закрутилось, что уже через месяц я переехала к нему жить в дом, который показывала, а еще через месяц стала обладательницей премилого обручального кольца с крупным бриллиантом.

«Как для себя дом выбирала», — мысленно усмехнулась я.

— Как же нам тебя не хватает! — продолжала Марина. — Только ты могла угодить всем привередливым клиентам и успокоить недовольных. Между прочим, шеф ждет не дождется твоего выхода из декрета.

— Ты же знаешь, что вряд ли я вернусь на работу. У нас и до этого она камнем преткновения была. Будь воля Влада, он бы меня с первого месяца в декрет заставил уйти.

— Не отнимай надежду! Я, между прочим, тоже на это надеюсь, а то без тебя тут совсем тоскливо. Да еще свекровь в гости приехала и уже успела все нервы вытрепать.

— Что так?

— Представляешь, заметила, что у Сереги на пальто одна пуговица болтается, и мне мозг вынесла, какая я безалаберная жена и плохо слежу за ее сыном. Такое чувство, что это не нашему сыну пять лет, а ее.

— Марин, держись! Тебе ее нужно лишь немного потерпеть, а некоторые вместе годами живут.

— Вик, вот за что тебя люблю — умеешь ты успокоить, — хмыкнула в трубку подруга. — Ты права, нужно день простоять и ночь продержаться. Она у нас проездом.

— Вот видишь! Поэтому выпей успокоительного, улыбайся и еще раз улыбайся.

— Мне бы твоей водички, — вздохнула она.

— Сходи, из кулера налей.

— Не, из твоих рук особенная.

— Не выдумывай! Вбили себе в голову ерунду.

— Вот зря отмахиваешься. Сколько раз замечала — клиент выпьет, и сразу в благодушном настроении. Да даже когда у меня голова болела, ты воды дашь — и я как новенькая.

— Может, потому, что ты этой водичкой таблетку запивала? — хмыкнула я.

— А вот и нет! В последнее время я только воду пила, а таблетка была для отвлечения внимания.

— Ах ты...! — возмутилась я, не находя слов.

— Не обижайся, разве иначе ты бы воды принесла? То, что ты не веришь, еще не значит, что я не права. Ладно, перезвоню, а то телефон разрывается, — быстро отключилась она.

Вот что с ней будешь делать?! Вовремя она прервала разговор, пока я не успела сказать ей все, что думаю. И ведь знает прекрасно, что долго злиться я не умею, чем и пользуется. Понапридумывали себе невесть что. Даже шеф поверил. То-то именно меня просил чай, кофе принести или водички раздраженным клиентам, как будто у меня своей работы не было. Хорошо хоть премии не забывал выписывать, это единственное, что мирило с таким произволом.

Отложив телефон, обняла специальную подушку для беременных. Последнее время я только с ней могла заснуть. Нет, хорошо, что ушла с работы. И Влад рад, и самой надоело подчиняться. Буду воспитывать ребенка и привыкать к богатой жизни. Возможно, в будущем организую свое дело.

Я рано стала самостоятельной. Пока училась — подрабатывала, после окончания учебы сразу нашла себе работу. Помогала маме, пока она была жива. Хватало и квартиру снять, и на жизнь. В отпуск ездила редко, все силы отдавая работе. Встреча с Владом дала мне возможность передохнуть и просто наслаждаться жизнью.

Как же мне с ним повезло! Казалось, я влюбилась в него с первого взгляда, как только он вошел к нам в офис. Мужественные черты лица сразу привлекли мое внимание. Умные карие глаза, каштановые волосы длиной до плеч. Деловой костюм лишь подчеркивал его спортивную фигуру. Да и он не остался равнодушным, тут же обрушив на меня все свое обаяние. Даже если б и хотела устоять — не устояла бы.

Наш стремительный с ним роман обсуждал весь офис. Конечно, Виталий, с кем отношения не продвинулись дальше невинного флирта, пытался образумить меня, называя наш брак скоропалительным и намекая на свои чувства. Только я его не слушала. Какой смысл прислушиваться к парню, который за год не смог признаться в своих чувствах? И когда Владслав сделал мне предложение, я ни минуты не раздумывала. Он покорила меня своим напором. С ним я поверила, что любовь с первого взгляда существует, и безоглядно отдала ему свое сердце.

Какая же я счастливая! Не было более внимательного, любящего и преданного мужчины, чем мой муж. Скоро у нас появится еще один член семьи, и счастье станет полным. Жаль только, что бабушек и дедушек у него не будет, но мы будем любить нашего сына и за них. Влад сирота. У меня же семь лет назад умер папа, а со смерти мамы не прошло и полгода.

При мыслях о маме сердце болезненно сжалось, и ребенок тут же недовольно заворочался, толкаясь ножками.

«Извини, сынок! — погладила свой большой живот. — Мама не будет плакать».

Понимая, что мне нужны положительные эмоции, отогнала грусть и встала, потопав в душ. Чувствовала я себя неповоротливой и неуклюжей и с нетерпением ждала родов. За время беременности я набрала около двадцати кило, превратившись из стройняшки в пышку, но Влад запретил мне ограничивать себя в еде.

«Я тебя любой люблю», — убеждал он и приводил множество доводов, как важно ни в чем себе не отказывать во время беременности, а о фигуре можно подумать после родов. У

нас на нижнем этаже есть мини-спортзал, он обещал лично заняться моими тренировками. Именно его любовь помогла мне пережить период, когда я перестала обнаруживать у себя талию, а крем от растяжек он мне сам каждый вечер заботливо втирал в кожу и с нежностью гладил живот. Нет, мне все же фантастически повезло с мужем!

— Встали? А я вам блинчиков напекла! — ласково улыбнулась мне Стелла Андреевна, стоило мне спуститься на кухню.

В свое время мы жили с ней на одной площадке, когда я снимала квартиру. Мы с ней общались. Ей было под шестьдесят, дети разъехались по другим городам, муж давно умер, и она была одинокой. Да еще с работы сократили. Когда я вышла замуж, то пригласила ее к нам быть домоправительницей. Сейчас она живет у нас, и я нарадоваться на нее не могу. По крайней мере, в доме знакомый человек, и Стелла Андреевна прекрасно готовит, делясь со мной рецептами. Всегда безукоризненно одета, щепетильна, честна. Обо мне искренне заботится. Сколько раз предлагала ей обращаться ко мне на «ты». Ведь мне только двадцать пять и неудобно, когда человек намного старше меня мне выкает, но она упирается, говоря, что так не годится. Я все уговариваю ее сдать квартиру, чтобы не простаивала, но она боится пускать жильцов на свои квадратные метры. Помимо нее, к нам приходит два раза в неделю убираться женщина. Еще есть водитель Алексей. Влад водит машину сам, а вот на водителе для меня настоял, говоря, что ему так спокойнее.

— Как здорово! — Я села к столу, а Стелла Андреевна поставила передо мной горку блинчиков и йогурт. Улыбнулась и отвернулась включить чайник.

Уже протянув руку к блину, я отдернула ее, так как зазвонил телефон.

— Да?

— Как поживает моя любимая?

— Хорошо. Меня вот блинчиками кормят. Как ты?

— Хочу к тебе. Ужасно соскучился по вам! Завтра прилетаю.

— Все решил?

— Да, все хорошо. Как наш сын?

— Пинается.

— Это потому что голодный, — уверенно заявил Влад. — Ладно, не буду отвлекать тебя. Кушай. Я позже позвоню.

— Откуда ты знаешь, что я еще не ела? — воскликнула я удивленно. Сколько раз Влад поражал меня вот такими точными замечаниями.

— Потому что люблю тебя, глупая! — рассмеялся он, и от его смеха у меня дрогнуло все внутри от желания. С ума сойти! Мне рожать скоро, я с трудом хожу, но сексуальное желание никуда не делось. Или это Влад на меня так действует, сводя с ума?

— Я тоже тебя люблю, — ответила ему. — Тебя завтра встретить?

— Не нужно. Я сам. Береги себя. Целую!

— Целую!

Отключившись, я тяжело вздохнула. Пусть он и уехал ненадолго, но я ужасно соскучилась.

— Когда возвращается? — спросила Стелла Андреевна, ставя передо мной чашку.

— Завтра.

— Тогда я пирожков его любимых напеку.

— Спасибо!

— Мне в радость, — улыбнулась она. Чайник закипел, и Стелла Андреевна стала заваривать чай, а я взялась за блинчик, мысленно планируя свой день, чтобы завтра во всеоружии встретить мужа.

Владслав не тот мужчина, перед которым можно появиться в халате и бигуди. Есть в нем некая аристократичность. Чего стоят одни безупречные манеры, и они не показные. Такое чувство, что он впитал их с молоком матери. Я даже спрашивала, не было ли у его предков титула, но он лишь загадочно улыбался и ловко менял тему, распалая мое любопытство.

Это я к тому, что с ним я всегда была в тонусе, тщательно следя за собой. Пусть он меня любит любую, но душу греет восхищение в его глазах. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, записалась на маникюр с педикюром и к своему парикмахеру. Влад всегда обращает внимание на мелочи. Ему нравятся рисунки на ногтях, и пора обновить шеллак. Не знаю, успею ли я выбраться на маникюр перед родами, и стоило подумать, какой выбрать рисунок. Возможно, лучше будет сделать френч.

Позавтракав, я поблагодарила Стеллу Андреевну и пошла к себе собираться в город. Сынуля больше не брыкался.

«Наверное, и правда голодный был», — улыбнулась я. Не могла дождаться, чтобы взять его на руки. Мне очень хотелось, чтобы он был похож на Влада.

* * *

Вечером все мои мысли были о муже, и когда пришло сообщение, я схватила телефон, думая, что это от него. К моему удивлению, эсэмэс оказалось от Виталия. «Мне жаль», — написал он, далее шла ссылка. Перейдя по ней, увидела интервью с выставки какого-то иностранного художника. Я ничего не поняла и хотела уже закрыть страницу, приняв за глупый розыгрыш, когда на одной из фотографий на заднем фоне увидела своего мужа, который обнимал длинноногую блондинку, они улыбались друг другу. Я хорошо знала эту его улыбку, когда он, полуприкрыв глаза, смотрел на меня с затаенным желанием. Да и его рука, что покоилась ниже талии девушки, говорила о том, что это не его давно потерянная сестра.

В груди все оборвалось. Я отказывалась верить своим глазам, когда пришло еще одно сообщение. На этот раз эмэмэс. Открыв его, увидела увеличенный снимок, где крупным планом были лица Влада с его спутницей. Подпись внизу фотографии гласила: «Ты и сейчас считаешь, что знаешь все о своем муже?»

В последний раз, когда я разговаривала с Виталием, то была с ним излишне резка, наговорив лишнего. Сразу после моей свадьбы он уволился, поменяв место работы, и больше мы не виделись. Не думаю, что он прислал бы мне это, знай, что я беременна. Мне как будто нож в сердце вонзили, хотелось завывать. Неужели все поездки Влада проходят вот так?! Беременная жена дома, а он на стороне сбрасывает напряжение.

Боль от предательства разрывала сердце.

Дрожащими руками я переслала сообщение Владу, с вопросом: «Это она была твоим срочным делом?»

Может, не стоило этого делать вот так, на эмоциях, но я не могла молчать и терпеливо дожидаться его возвращения, представляя, что в этот момент он с другой. Вспомнив изящную фигурку девушки, я себя на ее фоне ощущала слонихой, и это добивало.

Зазвонил телефон. Глотая слезы, я взяла трубку.

— Вик, извини, если тебе больно. Случайно увидел в инете и не мог промолчать. Если это его родственница, то прости дурака!

Я молчала. У Влада нет родственников. Даже на нашей свадьбе никого не было. По ногам потекло, и, посмотрев вниз, увидела большую лужу.

— Вика, не молчи! — обеспокоенно воскликнул Виталий.

— Извини, я рожая.

Не успела сбросить вызов, как телефон зазвонил вновь.

— Откуда это у тебя? Что за бред? — Голос Влада звучал требовательно.

— Я рожая, — отстраненно сообщила ему и бросила телефон.

Начавшиеся роды прекратили зарождающуюся истерику. Не так я все планировала. Не так. Я должна была лечь в частную клинику перед родами, а теперь меня до нее могут и не довезти. Мы живем за городом, пробки...

Все контакты врачей были у Влада, но я сейчас была не в состоянии с ним разговаривать. Взяв себя в руки, я проигнорировала звонящий телефон и вышла из комнаты. Позвав Стеллу Андреевну, сообщила ей о том, что у меня отошли воды, и попросила вызвать «Скорую».

Не слушая ее ахов, вернулась к себе. Сумка для родов у меня давно была готова, оставалось дожидаться врачей. Как заведенная, я переделалась, собрала личные вещи, документы, взяла деньги из сейфа. Не знаю, куда именно меня привезет «Скорая», но они точно понадобятся заплатить за палату и врачам.

Сотовый умолк и притягивал меня как магнит. Устав с собой бороться, взяла его и увидела множество пропущенных звонков от Влада и два от Виталия. Залезла в сообщения и еще раз перешла по ссылке. Внимательно посмотрела дату новости. Сегодняшняя. Посвящена вчерашней выставке в Праге. Влад тоже в Праге. Последние сомнения отпали.

Я вздрогнула, когда телефон зазвонил в моей руке. Влад. Посмотрев на фотографию мужа, сбросила вызов и отшвырнула от себя телефон. Не об этом сейчас нужно думать. Главное — ребенок, а все остальное потом.

— Вика, девочка, а может, пусть тебя лучше Алеша отвезет? — В дверях появилась взволнованная Стелла Андреевна.

— Сейчас пробки. Не хочу в машине родить. Уж лучше в «Скорой».

Все это время я прислушивалась к себе, но схваток не было, лишь тянущее чувство внизу живота.

— Да-да, — кивнула она, соглашаясь. — Как же так...?! Вот Владслав Филиппович расстроится, что его рядом нет.

Я сглотнула ком в горле, не давая себе расклеиться.

— Ты ему позвонила? — В расстроенных чувствах, Стелла Андреевна и не заметила, что обратилась ко мне на «ты».

Я кивнула и, взяв сумку с вещами и документами, пошла на выход. Не знаю, вернусь ли я еще сюда. Жить с предавшим меня мужчиной не смогу даже ради ребенка.

Приехавшая «Скорая» отвезла меня в ближайший роддом. Роды пришлось стимулировать, но, несмотря на то что они первые, родила я быстро. По словам врачей. Для меня же время схваток тянулось мучительно долго. Ребенок родился в пять утра. Здоровый. Для меня тоже все прошло хорошо. Мне сказали, что я родила как по учебнику, на третьей схватке. Хоть мальчик и был крупный, три килограмма семьсот, но разрывов не было. Сына

тут же приложили к груди, а потом забрали. Волосики у ребенка были темные, чертами он был копия Влада. Хотя я об этом и мечтала, но в душе этот факт отозвался болезненно, с примесью горечи. Я быстро отогнала это чувство, не желая портить радость от рождения сына.

В роддоме я взяла отдельную комнату матери и ребенка, и почти сразу сына привезли ко мне. Несколько часов сна, и я уже по стеночке пошла в душевую. После душа увязала живот специальным поясом. Надо же, я себе представляла, что живот сразу спадет, но, приподнятый поясом, он выпирал как у беременной.

Полюбовавшись на сына, который спал, как ангел, я тоже легла и снова уснула. Разбудила меня медсестра, которая передала мне телефон от мужа. Влад приехал?! Спросонья я туго соображала и не могла собраться с мыслями.

На экране высветилось сообщение от него. Там была ссылка на сайт и эмэмэс. Сначала я открыла файл и увидела заключение эксперта, что предоставленное на экспертизу фото является монтажом в фотошопе. Перейдя по ссылке, попала на страницу новостей с выставки и увидела вчерашние фото, только на заднем фоне с девушкой был никакой не Влад, а совсем другой мужчина.

С колотящимся сердцем я нашла принятые сообщения от Виталия и попробовала перейти по ссылке, только на этот раз мне пришло сообщение, что страница не найдена. Как же так?!

Зазвонил телефон. Влад. На этот раз я ответила.

— Любимая, как ты могла хоть на минуту поверить?! — воскликнул он. — Я чуть с ума вчера не сошел! Первым же рейсом к вам.

— Влад... — всхлипнула я, чувствуя, как отпускают тиски, сковавшие сердце.

— Я люблю тебя! Спасибо за сына! Я сейчас организую, чтобы вас перевезли в частную клинику.

— Не надо! — взяла себя в руки я. — Тут хорошие врачи и нормальные условия. Я в отдельной палате.

— Я хочу, чтобы у вас было все самое лучшее, — настойчиво произнес он.

— Все хорошо, — прошептала я, понимая, что теперь действительно все хорошо.

Мы еще долго не могли наговориться. Я выслала ему фото сына и выслушивала восторженные восклицания от всегда сдержанного мужа, а еще бесконечные заверения в его любви, которые звучали сладкой музыкой после первой серьезной размолвки.

Мы завершили разговор, и, немного успокоившись, я открыла еще раз ссылку и посмотрела внимательнее на фото. Действительно, мужчина телосложением и ростом очень сильно напоминал Влада, но это был не он. Наверное, не составило большого труда сделать монтаж. Вот только не могла понять, зачем это надо было Виталию?! Мы с ним не сталкивались все это время, не общались. Я ему своим счастьем глаза не мозолила. С чего это он решил прислать мне эти эмэмэс?

Вопросы не давали мне покоя, и я решила с ним поговорить. После разговора с мужем мой мир вновь обрел привычные очертания. Я почувствовала уверенность в наших отношениях и ощутила себя сильной. Хотелось разобраться в ситуации. К тому же как он узнал о том, что Влад в Праге? Кто-то же поделился с ним этой информацией. Ведь пришли он мне фото, когда Влад находился рядом со мной, я бы сразу заподозрила монтаж и не поверила. Поэтому мне хотелось знать, кто задумал разрушить нашу семью.

Набрав номер Виталия, услышала сообщение о том, что абонент недоступен. Тогда написала ему сообщение, что нам нужно поговорить.

Прошло немного времени, но меня снедало нетерпение. Ну уж нет! Я была не намерена ждать, когда он соизволит включить телефон. Вспомнив о том, что он когда-то давал мне свой домашний номер, полезла в контакты. Есть!

Даже если его нет дома, узнаю его рабочий номер и позвоню туда. Помнится, он жил с родителями и у него была младшая сестра. Кто-нибудь да будет дома.

Трубку взяла девушка.

— Добрый день! — вежливо поздоровалась я. — А Виталий дома?

— Его нет, — ответила девушка и как-то странно всхлипнула. Я нахмурилась и, не обращая внимания, мало ли какие у человека проблемы, спросила: — Вы не подскажете, когда он будет? Он на работе?

— Его нет! — уже отчетливо всхлипнули на том конце трубки. Потом что-то зашуршало и донеслось: — Нет, я больше не могу!

Трубку взяла женщина и скорбным голосом сообщила, что Виталия сегодня ночью убили.

— Как убили?! — Я не могла поверить этому. — Я же вчера вечером с ним разговаривала!

— Его разрубили на куски в сквере, недалеко от дома. Вы подруга? Позвоните позже, мы сообщим о похоронах.

Трубку положили, а я так и осталась сидеть, смотря на телефон бессмысленным взглядом. Слова не укладывались у меня в голове. Убили? Разрубили?! Хотелось бы думать, что это глупая шутка, но неподдельное горе в голосе говоривших убеждало в обратном. Как же так?!

Из-за всего пережитого я была зла на Виталия, но такая ужасная смерть... Это было невыносимо! В наше время может сбить машина, ножом грабители пырнут или из травматика выстрелят, но чтобы людей на улице рубили?! Это получается, псих или пьяница с топором ночью по улице бегал?

Я позвонила Марине. Сказала подруге о рождении сына. Я не говорила о причине, вызвавшей роды раньше времени. Просто после всех поздравлений и краткого рассказа о том, как все прошло, упомянула о том, что во время родов мне звонил Виталий, а когда я сегодня ему перезвонила, узнала о его смерти. Марина разохалась и взяла у меня его домашний телефон, чтобы перезвонить родным и предложить помощь. Они работали вместе еще до моего прихода в фирму, и она его хорошо знала.

Мне привезли обед, и мы были вынуждены попрощаться. Ничего, Марина узнает все подробности и расскажет, что там произошло.

Постепенно гнетущее чувство после известия оставило меня. Я не могла наглядеться на сына. Такой крохотный... Это же какое-то чудо! Филипп. В честь отца Влада. Муж говорил, что хочет так назвать сына, а я сильно не протестовала. Сама бы я предпочла назвать Александром или Константином, но не могла отказать мужу в этом.

«Ничего, — успокаивала себя, — имя следующему ребенку буду выбирать я».

Боль родов уже забылась, и в будущем я была готова все повторить. Нужна же Филиппу сестренка или братик. Хочу, чтобы в нашем доме был слышен детский визг и смех. Что хорошего, что я у родителей одна и Влад тоже? Сколько себя помню, всегда мечтала о

сестренке, вот только родители мне ее так и не подарили.

Днем пришла медсестра и показала, как правильно ухаживать за ребенком, пеленать, держать. У меня сердце замерло, когда я впервые взяла его на руки. Мой ребенок... Я готова была часами смотреть на сына, умиляясь каждой черте.

Приезжал Алексей, передал мне фрукты, воду и разные необходимые мелочи. Несколько раз звонил Влад. Я выслала ему видео сына, он был вне себя от счастья. Умилялся, находя в нем свои черты.

Уже вечером позвонила Марина. Спросила, как я. После уверений, что я не расстроюсь и она может рассказать новости, заговорила. Чувствовалось, что эмоции переполняют ее и ей нужно выговориться.

— Я только от родителей Виталия, сейчас домой еду. Слушай, это ужас какой-то! Никто не может поверить в случившееся. Лег спать, как обычно, был только расстроен и сказал сестре, что он полный дурак. Никто не слышал, как он ночью ушел. Нашли его под утром сквере, недалеко от дома, когда люди на работу шли. Отрублены руки и голова. В полиции сказали, что, похоже, это сделано мечом. Мечом! Ты представляешь?!

Вспомнив нашу коллекцию оружия на стене, я сглотнула и тряхнула головой, отгоняя мелькнувшее подозрение.

— Родители не понимают, куда и зачем он пошел. В подъезде с ним столкнулся сосед, который возвращался под утро от своей подруги, но Виталий на приветствие не ответил, и тот говорит, что он был не в себе. Он его окликнул, но Виталий никак не прореагировал. Хотя веры ему мало, тот и сам под хорошим градусом был.

— Неужели никто ничего не видел?

— Никто. Я не представляю, что это творится. Человека возле дома убивают, и свидетелей нет! Получается, по улицам с мечом маньяк разгуливает, а полиция и в ус не дует.

Мы еще немного поговорили, а потом Марина спросила:

— Слушай, а он тебе вчера зачем звонил? Разве ты с ним общалась?

— Не знаю, — тут же напряглась я. — У меня воды как раз отошли, мне не до разговоров было. Я сегодня ему перезвонила, а тут такое.

— А-а-а, — протянула подруга. Мы еще немного с ней поговорили, но она уже подходила к своему дому, и мы распрощались.

От известий было жутко. Все так странно. Зачем он так внезапно появился в моей жизни со своей жестокой шуткой? И его ужасная смерть вызывала вопросы.

Когда мне перед сном позвонил Влад, я между прочим спросила у него, когда он прилетел. Оказалось, что утром. Не став больше ничего уточнять, я заговорила о другом. Все же муж уловил, что я чем-то расстроена, и всполошился. Думал, что что-то со мной или с сыном. Пришлось разубеждать и волей-неволей рассказать о Виталии.

— Так ему и надо! — зло воскликнул Влад. — Я бы ему сам руки отрубил за то, что он сделал.

— Влад?! — ахнула я.

— Я из-за него чуть вас не потерял. Ему повезло, что он умер, а то я бы сам с ним разобрался. Наверное, ты не единственная, кому он слал свои глупые картинки, вот ему и отомстили.

— Может, стоит рассказать полиции о них? — спросила у мужа, когда он немного

успокоился.

— Нет! — категоричным тоном запретил Влад. — Неужели ты хочешь, чтобы тебя и меня таскали на допросы? Он и так испортил нам жизнь. Думай о нашем сыне и себе. Тебе сейчас нужны положительные эмоции. Молоко появилось? — сменил тему он.

— Еще нет, но грудь болит. Филипп пока спит.

— Может, найти кормилицу? — забеспокоился муж.

— Влад, какие кормилицы? — рассмеялась я. — Не переживай, молоко еще появится. Я говорила с медсестрой, волноваться не стоит.

— Много они понимают! — скептически заметил он. — Может, давай все же в частную клинику вас переведу?

— Не надо. Нам и тут нормально.

Наслушавшись разных ужасов про роддома, я была удивлена доброжелательным отношением медсестер и врачей. Даже в обычных больницах работают хорошие люди. Обязательно отблагодарю их при выписке.

Поговорив еще немного с мужем, мы распрощались. Я решила, что он в чем-то прав и не стоит мне лезть в эту историю. Я и так пострадала из-за действий Виталия. Если у полиции возникнут ко мне вопросы — отвечу, а самой идти глупо.

Я постаралась не думать о Виталии, сосредоточившись на сыне. У меня налилась грудь и появилось молоко. Смотри, как сынок сосет грудь, смешно причмокивая, чувствовала себя самой счастливой на свете. Я признавала правоту мужа. Когда на твоих руках ребенок, нужно думать лишь о хорошем. Для мыслей о смерти и насилии нет места. Мне хотелось, чтобы с моим молоком он впитывал мою любовь, заботу, все светлые чувства. Поэтому эгоистично охраняла наш мирок от всего плохого, и когда в очередной раз позвонила Марина, заведя разговор о Виталии, я попросила ее сменить тему.

Три дня пролетели незаметно, и нас выписали. Сын был здоров, у меня тоже не было никаких осложнений.

День выписки был по-летнему солнечным и жарким. Влад встречал нас с огромным букетом роз и шариками, поразив меня ими в самое сердце. Он же такой серьезный, солидный, а тут шарики. Пока я передавала ему сына и брала розы, шарики выскользнули и разлетелись по всему холлу. Мы рассмеялись. Наблюдая, как бережно муж держит сына и с какой любовью на него смотрит, я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. Счастье бурлило в моей крови, как пузырьки шампанского.

— Стелла Андреевна праздничный обед приготовила, — сообщил Влад. Я придерживала заднюю дверь внедорожника, а он укладывал сына в автокресло и пристегивал его. Разогнувшись, притянул меня к себе и поцеловал.

«Как же я соскучилась!» — подумала я, обнимая его за шею.

— Эй! — дернулся Влад.

— Прости, — хихикнула я, отводя букет с розами подальше от его головы.

— У тебя грудь увеличилась, — заметил он, нырнув взглядом в вырез летнего сарафана. Выпирающий животик он тоже заметил, но тактично ничего не сказал. Он передал мне на выбор несколько платьев, но, к моему сожалению, весь мой старый гардероб оказался мал, и пришлось надеть сарафан, в котором ходила беременной.

«Спортзал ждет меня», — мысленно успокоила себя.

— Это от молока.

— Завидую сыну, — усмехнулся Влад, бросив на меня жаркий взгляд, а потом притянул к себе: — Сегодня ему придется поделиться с папой.

Его рука недвусмысленно легла на мою грудь, а меня бросило в жар от одного его прикосновения.

— Влад, мне нельзя... — смутившись, напомнила я ему.

— Но мне же можно, — шепнул он мне на ушко и подарил поцелуй в висок. Потом все же отпустил меня, и мы обошли машину. Он открыл мне заднюю дверь, усаживая рядом с сыном, а мои щеки полыхали, представляя картины того, что ждет меня вечером.

Потолкавшись в пробках, мы выехали из города. Мне хотелось как можно скорее очутиться дома. Посмотреть детскую. Влад все обустроил, пока нас не было. Оказаться в родных стенах и привычной обстановке. Смыть с себя запах больницы.

Все случилось в одно мгновение. Я даже испугаться не успела. Вот Влад рассказывает, с каким нетерпением ждет нас с самого утра Стелла Андреевна, выпроваживая из дома за нами, а в следующее мгновение встречная фура летит на нас. Ее разворачивает, и тяжелый прицеп несется на нашу машину, грозя впечатать в ограждение моста.

— Отстегни сына! — властно приказывает Влад.

Время как будто замедлилось. Я еще успеваю подумать: «Почему «отстегни»?! Разве не безопаснее быть пристегнутым во время аварии?» Но властность его приказа не позволяет послушаться, и я отстегиваю ребенка, прижимая его к себе. Как в замедленной съемке, слежу за приближением прицепа, умом понимая, что нас сомнет.

Влад делает невероятное: он разгоняется и выворачивает руль, пробивая внедорожником ограждение моста, и мы падаем в реку. Из-за удара, по инерции я с ребенком полетела между сиденьями вперед, но рука мужа перехватила меня. Я уже видела темную воду и отражение нашей машины в ней, но в момент соприкосновения с водой Влад что-то говорит и вспыхивает яркий свет. Мы падаем, но уже по светящемуся тоннелю. Машина, река... все исчезло. Есть лишь чувство полета, от которого кружится голова, а еще на меня накатывает слабость.

Смотрю на мужа и не узнаю его. На лице застыло суровое, жесткое выражение. Он прижимает меня с ребенком к себе, но кажется чужим и незнакомым. Между бровей застыла глубокая складка, на лбу выступил пот. Он весь напряжен. Нас начинает потряхивать. Кажется, само пространство вибрирует, и муж еще больше мрачнеет.

— Прости... — вырывается сквозь крепко сжатые губы.

Я не успеваю понять, за что он извиняется, как сын вырван из моих рук, а саму меня завертело воздушным потоком тоннеля. Будучи в глубоком шоке и не в состоянии испугаться, закричать, хоть как-то отреагировать, оказываюсь не готова к тому, что меня с огромной силой впечатывает в землю. Сознание меркнет.

Глава 2

Ветер играл с моими волосами, бросая пряди в лицо, а закатное солнце дарило последние лучи уходящего дня, окрашивая обнаженную кожу в теплые тона.

— Как красиво! — выдохнула я, смотря на волны, которые набегали на берег в нескольких метрах от нас.

Море, пальмы и тишина... Такой никогда не бывает в городе. Этот остров на Сейшельских островах, где мы проводили медовый месяц, казался мне кусочком рая.

— Это ты у меня красавица. — Лениво поднявшись с постели, Влад поцеловал меня в плечо, садясь рядом. Согнув широко расставленные ноги, обхватил руками колени, тоже смотря на воду. Он чувствовал себя совершенно раскованно обнаженным, а вот я немного смущенно отвела глаза от его тела.

Двухспальная кровать с множеством цветных подушек располагалась под небольшим деревянным навесом, в окружении пальм. В ногах, возле столбиков, на полу стояли высокие стеклянные фонари.

— Мне кажется, что мы оторваны от мира и попали в сказку, — призналась я. Понятия не имела, что у Влада за друзья, которые предоставили нам этот частный остров для отдыха. Окружающая роскошь поражала. Здесь хотелось ходить и рассматривать каждую мелочь интерьера, так как она была со своей историей.

— Тогда добавим немного волшебства, — усмехнулся муж и сделал движение рукой, после чего в фонарях зажегся огонь.

— Влад?! — ахнула я и вскочила, от удивления забыв, что обнажена. Присев у фонаря, убедилась, что там горит настоящий огонь, а не лампочки. — Но как?! — обернулась я к мужу.

— Иди ко мне, и я поделюсь секретом, — загадочно протянул он, охватывая взглядом меня всю.

Недоверчиво глядя на него, я приблизилась, а он дернул меня на себя, и мы упали на постель.

— Огонь — это очень капризная стихия, — сообщил он, переворачивая меня и нависая, упираясь руками в постель у моих плеч. — Важную роль играет концентрация, — тоном лектора продолжил Влад, а сам склонился и поцеловал бьющуюся на шею жилку.

— Концентрация?! — как замороженная переспросила я.

— Это самое важное. — Его губы коснулись ключиц, а теплое дыхание щекотало кожу. — Ее ни в коем случае нельзя терять, — делился он, прокладывая дорожку поцелуев к моей груди, а потом неожиданно прикусил кожу.

— Влад!!! — вскрикнула я.

— Да, любимая? Ты даже не представляешь, как я люблю, когда ты кричишь мое имя. — Его колено вклинилось между моих ног, разводя их.

— Кто-то обещал раскрыть секрет, как он зажег огонь, — не позволила я отклониться от темы, хотя от его действий внизу живота разлилось приятное тепло.

— Какая же ты у меня нетерпеливая, — пожурил он бархатным голосом, — я как раз и показываю, как нужно разжигать огонь. — В противовес словам, его губы стали спускаться ниже, целуя живот, а потом еще ниже...

Не знаю, как он зажег фонари, но мое тело вспыхнуло с такой же легкостью, как и они,

стоило его языку коснуться сокровенного.

— Вла-ад! — уже простонала я, отдаваясь власти его опытных губ и того наслаждения, что они дарили. Заниматься любовью под открытым небом было волнующе, но в то же время я казалась себе бесстыдной, лежа с раскинутыми ногами. Смущение заставило меня потянуть его на себя.

В наказание Влад чуть прикусил меня прямо там, но поддался давлению моих рук, и вот уже его губы накрыли мои.

— Скромница, — со смешком укорил он.

— Хочу тебя, — возразила я, обвивая ногами его талию. Пусть он был прав, но это не значит, что я тут же признаюсь. В душе мне хотелось быть более раскованной, сводить его с ума откровенными ласками, но пока в наших играх доминировал он.

Вот и сейчас он закинул одну мою ногу к себе на плечо, меняя позу, и медленно наполнил меня собой, замерев, войдя до конца. Нежный поцелуй в губы и неспешное движение назад, выходя почти до самого кончика, а потом обратно. Его движения приобрели размеренность, как и волны океана, что набегали на берег.

Мягко, нежно, сладко...

* * *

Не знаю, почему в самый тяжелый момент память воскресила счастливые воспоминания медового месяца. Возможно, это дало мне силы бороться за жизнь.

Временами я приходила в себя, но помню это урывками. Первый раз очнулась от холода, пронизывающего до костей. Была ночь. Я облизала собравшуюся на губах влагу. Попробовала пошевелиться и от боли снова потеряла сознание. Смутно помню, как кто-то меня трогал, переворачивал.

«Жива!» — услышала я мужской голос. С этим определением можно было поспорить. Когда меня подняли и куда-то понесли, я провалилась во тьму.

Потом помню, как металась в бреду. Меня то бросало в жар, то знобило. Лежала я на какой-то телеге, и постоянно трясло.

Слышала звуки сражения, звон оружия, крики. Хотя я была в таком состоянии, что это мог быть и бред.

В очередное просветление сознания отчетливо помню бородатого мужчину в шляпе с широкими полями и старинного фасона одежде. Он поил меня водой, а потом трогал мою руку, с особым вниманием рассматривая обручальное кольцо. Я думала, он его заберет, но нет.

— Кто ты? — спросил меня он, заметив, что я смотрю на него. Говорил он на странном языке, но я его понимала. Странно, ведь иностранных языков не знала.

— Вика, — с трудом произнесла я и опять уплыла во тьму.

Затем слышала спор мужчин в отдалении. Один говорил, что не заплатит и дарха за такую доходягу, а другой убеждал, что девушка молодая и быстро поправится. Если бы не болезнь, он бы никогда не пошел на такие уступки. Девушка не из простых, возможно, даже образованна. Убеждал обратить внимание на руки, украшения...

«Да зачем мне ее образование?! — возмутился мужчина. — Мне служанка нужна!»

Они торговались и все же сошлись в цене.

— Ладно, рискну, — сказал мужчина. — Я возьму телегу. Отвезу ее к Варлее, пусть лечит. Если сдохнет, то в поместье ничего не узнают.

* * *

Бартин, управляющий имением, проснулся оттого, что продрог. Опять любовница стащила с него все одеяло. Сколько раз он зарекался не спать с ней вместе, но чертовка так его умотала, что прогонять ее было лень. Он приподнял одеяло, в которое завернулась Филисия, и шлепнул ее по пышному заду.

— Барт, — томно прошептала та, поворачиваясь к нему и нехотя открывая глаза. Сообразив, что любовник чем-то недоволен, потянулась, как бы невзначай обнажая свою пышную грудь с коричневыми сосками. Взгляд мужчины прилип к груди, и женщина почувствовала себя увереннее.

— Ты почему не спишь? — сонно захлопала ресницами она.

— Это почему ты спишь до сих пор? Все работают давно, — попрекнул ее любовник.

— Кое-кто вчера был ненасытен и меня заездил, оставив без сил, — не смутилась Филисия. Польщенный, мужчина подкрутил свои пышные усы и уже более благосклонно посмотрел на любовницу.

— Прибери здесь все и распорядись, чтобы в моем доме убрали. Придется сегодня переехать.

У управляющего имением был свой отдельный дом, но он настолько привык к отсутствию господина, что давно уже облюбовал себе гостевые покои в хозяйском доме. Переезжать не хотелось, но ничего не поделаешь.

— Так это правда, что хозяин возвращается? — с любопытством спросила женщина. Уже много лет он не заглядывал сюда, предпочитая проводить время в столице, и его приезд был целым событием для челяди.

— Правда. Вчера вечером пришло письмо от его поверенного с уведомлением о том, что он придет, распоряжением увеличить число слуг в доме и открыть городской дом, набрав персонал.

— Мы поедем в город? — захлопала та в ладоши.

— «Мы»?! — иронично переспросил ее мужчина.

— Любимый, ну ты же возьмешь меня с собой? — просяще посмотрела на него Филисия, садясь на кровати и поводя плечами, привлекая внимание к груди. — Я тебе помогу подготовить дом и за слугами прослежу, чтобы не ленились.

Филисии очень хотелось съездить в город, да и отпускать туда одного Барта тоже не стоило. Еще не хватало, чтобы какая-нибудь новенькая ушлая бабенка прыгнула к нему в постель. Это здесь все знают, что к нему приближаться не стоит. Не так давно она заметила, как он зажал в углу молоденькую Эдит, и подстроила так, что ту обвинили в воровстве и со скандалом выгнали. Все знали, что скромная Эдит никогда не осмелилась бы на такое, но никто не заступился за нее, не желая переходить ей дорогу. Даже карга Агата лишь поджала губы, бросив на нее недовольный взгляд.

— Посмотрим, — не стал ничего обещать мужчина.

— Слушай! — Глаза женщины загорелись. — Вчера недалеко от нас остановился караван торговцев. На них разбойники напали и сильно их потрепали. Вот они решили в

город завернуть, чтобы набрать наемников в охрану. Петр говорил, что они с собой рабов на продажу ведут.

— Когда это он тебе говорил? — вскинулся Бартин, ревниво смотря на любовницу.

— Не ревнуй, я случайно через двор шла, когда он приехал. Так вот, а что, если тебе рабынь у них купить? Подумай сам, хозяин уедет, а они-то останутся, и жалованье им платить не надо.

После этих слов каждый из них погрузился в свои мечты. Бартин считал, сколько он сможет сэкономить и отложить себе в карман, а Филисия видела себя чуть ли не хозяйкой поместья, управляющей рабами.

Именно этот разговор сподвигнул Бартина навестить караван, пока они еще не уехали. Как же он ругал про себя любовницу, когда узнал цены на товар. И это еще торговец уверял, что делает ему большую скидку! Он уже хотел уезжать не солоно хлебавши, когда тот предложил ему купить больную рабыню. Глянув на молодку, которая лежала в повозке, он углядел выпирающий животик и смекнул, что за одну покупку сможет приобрести двоих. Именно это подтолкнуло рискнуть и купить ее, к тому же торговец сделал на нее действительно хорошую скидку.

Бартин решил отвезти рабыню знахарке, чтобы та ее вылечила. Если умрет, то о его просчете в имении никто не узнает, а если выживет, то он только в выигрыше окажется.

* * *

Я пришла в себя. Несмотря на слабость, сознание было ясным и жутко хотелось пить. В памяти остались картины, как меня заносил в неказистый деревянный дом усатый мужик. Меня трясло в ознобе, и старушка, встретившая нас, указала, куда меня положить, и накрыла одеялом. Помню, как она обкуривала меня травами и поила горькими настоями. Наверное, именно благодаря им жар спал.

С любопытством обвела взглядом окружающую обстановку. Деревянные стены, стол, лавки. Кованый сундук в углу. Везде развешаны пучки трав. Сама хозяйка дома сидела, сгорбившись, на лавке и что-то растирала в ступе. Я пошевелилась, и она посмотрела в мою сторону.

— Проснулась? — Голос, в отличие от морщинистого лица, был молодым и приятным.

— Пить... — попросила я и дотронулась до горла. Пальцы нащупали железный ободок на шее. А это еще что такое?!

Старушка поднесла мне ковш с водой и приподняла, помогая напиться.

— Где я? — спросила ее.

— Ничего не помнишь?

Я покачала головой и посмотрела на свои руки. Мои кольца исчезли. Дотронувшись до ушей, обнаружила и потерю сережек. С подозрением посмотрела на бабуку.

— Не смотри так! Я не воровка. Их Бартин снял, управляющий. Кольца и сережки сразу, как тебя принес, а одно кольцо не снималось, и он его вчера забрал, когда приходил узнать, как ты.

Я догадалась, что речь идет об обручальном кольце. Оно и раньше плотно сидело. Во время беременности пальцы распухли, и снять его не было возможности. Наверное, за время

болезни я похудела, вот оно и снялось.

— Что это? — дотронулась я до шеи.

— Рабский ошейник.

— Я свободный человек! — возмутилась я.

— С этим не ко мне, милочка. Тебя Бартин у торговцев купил. Ты сама откуда?

— Из России, — закинула пробный шар я и получила ожидаемый ответ:

— Где это? Не слышала. Наверное, совсем издалека привезли, — покачала моя собеседница головой.

— А где я нахожусь? — спросила ее. Я помнила все, что со мной произошло, и если это не загробная жизнь, то я точно не на Земле.

— Это Гарлэй, поместье аттана Корнуилса, приближенного самого императора.

— Аттана?!

Она покосилась на меня, как бы спрашивая, откуда я такая взялась, что ничего не знаю, но ответила:

— Это титул. Один из самых высоких.

— А какие еще есть? — спросила без особого интереса.

— Из знати идут керны, а ниже их — берды.

«Князья и бароны», — перевела для себя. Дотронулась до груди, ощутив под ладонью грубую ткань рубашки. Этот жест не остался незамеченным.

— Нет у тебя молока. Перегорело, — с сочувствием сказала мне старушка. — Ребенок хоть жив? Ох как разозлился управляющий, когда понял, что ты уже родила. Он-то думал, что ты в тяжести. Видать, совсем недавно разрешилась? У тебя живот еще не опал.

При мысли о ребенке на глаза навернулись слезы. Не понимала, что произошло и как я тут оказалась, но хотелось верить, что сын жив. Поступок Влада оценивать в данный момент не могла. Понимала, что он нас спас, иначе мы были бы мертвы, но каким образом он это сделал? Чего я не знала о нем? Что это за мир и как я тут оказалась? Я помнила, как затрясло тоннель, в котором мы перемещались. Умом понимала, что что-то пошло не так и он спасал нашего сына, но сердце болело.

Скажи он мне пожертвовать собой ради ребенка, я бы жизнь отдала. «Прости», — его последние слова мне.

«Нет, нужно верить, что он меня найдет! Если сумел переместить нас, то и меня найти сможет, — сказала себе. — Если он смог спасти нашего сына — за одно это его прощу. Хотя ему придется многое объяснить».

— Не плачь. Это жизнь, — похлопала меня по руке старушка, по-своему восприняв мои слезы. — Ты молодая, и детки у тебя еще будут.

— Кто меня переодевал? — спросила я ее, не став ни в чем разубеждать.

— Я. Твою рубашку постирала. Исподнее у тебя странное, его я тоже выстирала и пояс, каким обвязана была, сняла. Думала, рана какая. Ты зачем его носила?

— Это чтобы живот втянулся после родов, — ответила я ей, соображая, о какой рубашке она говорит. Может, мой летний сарафан за рубашку приняла?

— Да?! У наших молодок он сам втягивается. Ну, если хошь, я тебе его принесу.

— Помогите встать, я в туалет хочу, — попросила ее, приподнимаясь на постели.

— Давай, милая, — подставила она мне свое плечо, а потом спросила, бросив острый взгляд: — А не боишься ко мне прикасаться?

— Вы заразны? — замерла я.

Старушка засмеялась, неожиданно развеселившись:

— Нет, но многие считают, что мои знания от нечистого и называют ведьмой.

— Вы знахарка? — догадалась я, уже безбоязненно принимая ее помощь.

— Иные и так зовут, когда помощь нужна.

Было заметно, как ей польстило, что я ее не боюсь.

— Наверное, обидно, когда людям помогаешь, а они стороной обходят, — посочувствовала ей я, с трудом поднимаясь с постели.

— Я привыкла, лучше себя пожалей. Сразу видно, что ты из другого теста, чем наши девки. Тяжело тебе здесь придется. Выкупить хоть есть кому?

— Знать бы еще, куда писать, — сквозь зубы произнесла я, наваливаясь на старушку. Она, на удивление, оказалась крепкой и мой вес выдержала.

Мы вышли во двор. Я вдохнула свежий воздух, осматриваясь. Дом стоял на отшибе. Его окружал невысокий плетеный забор. Мы спустились по ступеням и меня провели в закуток, где можно было сделать свои дела. Я отметила, что крови после родов уже нет. Еще удивило, что все кости целы и нет никаких переломов. Когда я первый раз пришла в себя, была такая боль во всем теле, как будто каждая кость раздроблена. Меня порадовало, что это оказалось не так. С уровнем медицины здесь мне бы не выжить или быть калекой до конца своих дней.

Знахарка помогла мне дойти до лавки на улице и усадила.

— Я слышала, хозяин приезжает. Может, тебе с ним поговорить? Если ты из благородных и тебя есть кому выкупить, он пойдет навстречу, — завела снова разговор она. — Он неплохой человек, а вот с управляющим нором не показывай. Это он с приездом господина присмирел, а в его отсутствие творит что пожелает, и управы нет. Если разозлишь — плохо тебе будет.

Я молчала и мотала на ус. К управляющему у меня свои счета были, но бросаться на него и что-то требовать я не собиралась. По крайней мере, пока.

— Как вас зовут? — решила я познакомиться. — Меня Виктория, можно Вика.

— Я Варлея, а вот у тебя имени уже нет — рабы его теряют. Как хозяин решит назвать, такое и будет.

— Я — Вика, — с нажимом ответила на это. — Можно воды?

— Сейчас, девонька, принесу, — покачала головой на это Варлея и пошла в дом.

Вода придала мне сил, и в дом я зашла уже без посторонней помощи. Меня волновало, какая жизнь меня ждет, и я насела на единственного человека, который мог ответить на мои вопросы.

По всему выходило, что я принадлежу целиком и полностью владельцу поместья. Прав у меня никаких, а все, что ждет, — это работа от рассвета до заката за еду. Я заикнулась о том, что торговцы не имели права меня продавать, но Варлея дала понять, что меня никто и слушать не будет. Подай я жалобу властям — ее даже читать не станут от рабыни, да еще если увидят имя моего владельца, попросту посоветуют выпороть. Бежать смысла нет. Любой меня выдаст, и если поймают, тут же вернут владельцу, да еще клеймо поставят, как беглой, и выпорют.

— Вы умеете писать? — спросила знахарку.

Та бросила на меня странный взгляд:

— Зачем тебе? Писать ничего не стану.

— Я просто хочу понять, знаю ли я вашу письменность, а то язык понимаю, а вот насчет письма не уверена.

— Ты что, не помнишь?

— Головой ударилась и есть некоторые провалы в памяти, — ответила я, немного покривив против истины.

Чуть поколебавшись, та все же насыпала на стол немного муки и стала выводить буквы. К моему сожалению, мне непонятные. Это было плохо. Не зная грамоты, ты никто: ни законы их почитать не смогу, ни жалобу написать. Придется учить.

— Научите меня! — обратилась я к Варлее.

— Да ты точно умом повредила?! — в раздражении бросила она. — Зачем тебе? Ты хоть слышала, что я тебе говорила? Работать тебе без продыху!

— Значит, после работы буду приходить, — твердо произнесла я. — Помогать с травами и так далее... Без грамоты никак нельзя, иначе навсегда рабыней останусь.

— Ты почему с хозяином поговорить не хочешь?

— Не знаю, где сейчас мои родные.

— Вы путешествовали? Что с тобой случилось?

— Путешествовали. Помню плохо, — потерла я лоб.

— Так, может, они тебя и продали?

— Нет!!! — воскликнула я, а потом взяла себя в руки: — Вы просто не понимаете... Бабушка Варлея, помогите! — схватила я ее за руку.

— Да чем я тебе помочь-то могу?!

— Научите письменности вашей. Если можно, и в травах разбираться. Думаю, здесь это не лишним будет. Вы очень хорошая целительница, раз так быстро меня на ноги поставили. И это, конечно, не мое дело, но, видно, вы не всегда в этой избушке жили. — При этих словах глаза Варлеи блеснули, и я поняла, что угадала. — Научите, как выжить здесь.

— Я, конечно, в травах разбираюсь и кое-что на своем веку повидала, — после недолгого молчания заговорила знахарка, — но сдается мне, что здесь не только в моем мастерстве дело...

Она как-то странно посмотрела на мою руку, что накрывала ее.

— О чем вы?! — не поняла я.

— А ты не знаешь? — бросила она на меня пронзительный взгляд, который пробрал до самых костей.

— О чем?!

— Ладно, оставим пока, — не ответила она, а потом решилась: — Хорошо, я помогу тебе. Слушай и запоминай...

Три дня пролетели как один. Все это время Варлея учила меня грамоте, разбираться в травах, как себя вести в поместье. Нужно было постараться понравиться экономке Агате и держаться подальше от любовницы управляющего. Она с завидной регулярностью изводила всех, кто ей не нравился, и их с позором выгоняли из поместья.

Я даже не заикалась насчет того, чтобы попытаться снять ошейник и сбежать, хоть меня и бесило до глубины души это «украшение». Во-первых, я бы подставила своим побегом Варлею, в этом она мне была не помощница. Да и куда мне идти в этом мире? Защитить себя от всякого сброда я не сумею, жить не на что, украшения присвоил управляющий. Побег оставался последним отчаянным шагом, если прижмет. А так, я как губка впитывала новые знания, зная, что они мне пригодятся.

Знахарка лишь цокала языком, когда я не могла определить простейшие травы и для чего

они. Рассказывала, когда лучше собирать те или иные, учила варить настои из сборов, рассказывая, когда и при каких болезнях их применять. Она меня вообще удивила, заставив однажды сделать мазь для нее.

«У меня болят суставы. Сделай мне мазь!» — неожиданно дала задание мне. Пришлось вспомнить все, что она говорила о травах, и составлять свой сбор, благо она дала мне на эксперимент свои запасы.

Словами не передать, с каким волнением я вручала ей готовое изделие, всем сердцем желая, чтобы оно помогло! Удивительно, но первый блин не получился комом, и знахарка осталась довольна, когда испробовала мазь на себе. Это наполнило меня гордостью. Кто бы мне сказал, что я буду гордиться собственноручно приготовленной мазью, как будто это самое важное мое достижение в жизни. Я раньше так сильно удачным сделкам не радовалась, как этому!

Управляющий навещался один раз, но я притворилась все еще лежащей в беспомощности. Он скривился, но был доволен, что жар спал. Сообщил, что уезжает по делам в город и лучше бы к его приезду мне прийти в себя. Срок своего отсутствия это урод не обозначил, а Варлея спрашивать не стала. На этом мы и попались.

Он вернулся, когда я выходила на улицу по нужде. Возвращаюсь в дом, а там эта морда по-хозяйски расположилась.

— О, уже на ногах, — обнажил он желтые зубы в довольной улыбке, обшаривая меня масленистым взглядом. Одежда знахарки для меня была мала, и все эти дни я ходила в своем сарафане. Судя по реакции управляющего, слишком откровенном для местного населения.

Варлея, вошедшая следом за мной, тут же подхватила меня под руку, а я не растерялась и оперлась на нее, всем своим видом демонстрируя упадок сил. Только этот козел не впечатлился.

— Собирайся, — кивнул он на сверток, что лежал на столе.

— Ей бы отлежаться, только недавно встала, — вступилась за меня знахарка.

— Хозяин прибывает сегодня, и она должна быть в имении. Дай настойки какой-нибудь, а то слишком бледна.

— Сейчас приготовлю, — засуетилась Варлея, усаживая меня на лавку. Управляющий встал и бросил мне на колени сверток с одеждой. Я даже не сообразила сначала, чего это он такой услужливый, пока не поняла, что решил заглянуть мне в вырез сарафана.

— Чего это у тебя пузо до сих пор торчком? — недовольно спросил он.

Действительно, живот, приподнятый поясом, собрался складкой под грудью, когда я сидела. Да даже когда я стояла, он еще заметно выпирал.

— Подвязываю, чтобы живот втянулся после родов, — ответила ему.

Тот нахмурился, видимо, вспомнив, как его это ввело в заблуждение, и излишне резко поторопил меня:

— Чего расселась? Одевайся!

Не желая его злить, я начала разворачивать сверток, обнаружив платье темно-синего цвета и нижнюю рубаху из грубой ткани к нему. Я подняла на него глаза, ожидая, когда он выйдет или хотя бы отвернется, но тот лишь ухмыльнулся, не собираясь никуда уходить.

Положение спасла Варлея. Она стала заваривать какие-то травы, и вскоре дом наполнился едким запахом.

— Ты чем навоняла? — рыкнул он на нее.

— Так отвар же... — подобострастно посмотрела она на него.

Сплюнув на пол, он приказал ей:

— Собирай ее. Да не возись долго! Я на улице подожду.

И вышел, хлопнув дверью. Варлея проводила его злым взглядом и тут же подскочила ко мне.

— Спасибо! — поблагодарила я ее, что выручила.

— Видно, не судьба тебе дольше здесь задержаться. Помни, что я говорила, — напутствовала она, разворачивая платье и помогая мне натянуть его на сарафан. Принесенную рубашку надевать я не стала, оставив про запас. — Придешь, как сможешь. Я тебе отложу мази, что ты мне делала. При случае дашь Агате, у нее ноги больные. Поможет — и на тебя более благосклонно взглянет. Скажи, что сама делала. Твой семейный рецепт.

Я только кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Было очень страшно, я крепилась из последних сил. Мы быстро обнялись, и она вывела меня из дома.

— Чего это она за тебя цепляется? — нахмурился управляющий, как только мы вышли.

— Так отвар подействовать еще должен, а вы ждать не велели, — оправдалась Варлея. Я хоть и чувствовала себя здоровой, но она посоветовала мне вести себя так, как будто я еле держусь на ногах. Это для того, чтобы меня сильно работой не загружали первые дни и я имела возможность осмотреться.

— Ладно, шевели ногами, — бросил он мне и пошел со двора. Обменявшись напоследок со знахаркой взглядами, я двинулась за ним. Не спеша.

Вскоре управляющий оглянулся и, увидев, что я от него отстала, поморщился, но подгонять меня не стал, а остановился подождать. Возможно, потому, что я успела натянуть на лицо мученическое выражение, всем своим видом демонстрируя, как мне тяжело идти, но стойко держусь.

Никогда не подозревала в себе таких талантов. Жизнь заставила. Бежать за ним преданной собачонкой не хотелось, да и спешить принимать на свои плечи ярмо рабыни тоже желания не было.

Я поравнялась с мужчиной, а он посмотрел на меня внимательно, взгляд его остановился на узелке в моей руке, где виднелся край рубашки.

— Почему рубаху не надела? — поинтересовался он.

— Грубая ткань натирает. Я к такой не привыкла, — ответила коротко.

— Из благородных? — прищурился он.

— Какая разница, раз сейчас на мне ошейник? — по возможности спокойно ответила я вопросом на вопрос, и он неожиданно усмехнулся:

— Дерзка... Как к торговцам попала?

— Мы путешествовали. На нас напали. Я убежала и заболела. Они меня нашли.

— Почему не возмущаешься тем, что стала рабыней?

— А что это изменит? Вы заплатили за меня деньги, и мои возмущения впечатления на вас не произведут, лишь разозлят. Насчет побега можете тоже не беспокоиться — некуда и не на что. — Я бросила взгляд на свои пальцы, где отсутствовали украшения.

— Умна, — хмыкнул он. — Раз так, знай, что если будешь послушна, то и жизнь твою сносной сделаю.

Ага, что-то мне подсказывало, что в этом случае его любовница сделает мое существование невыносимым, но я благоразумно промолчала, стараясь не думать, что именно он имеет в виду под «послушанием».

— Выкупить есть кому? — последовал следующий вопрос.

Вот тут я напряглась, не зная, как лучше ответить. Чуть замявшись, произнесла:

— Не знаю, живы ли родные. Я во время побега головой ударилась, многое как в тумане.

Надеюсь, вспомню родственников.

— Не помнишь? — удивился он.

— Мужа помню, ребенка. Дом большой, слуг. Путешествие урывками, — как можно туманнее ответила я. Про дом и слуг упомянула специально, чтобы знал, что к тяжелой работе не привыкла, и не удивлялся, что ничего не умею.

— Руку дай! — неожиданно приказал он, и я с опаской протянула ему ладонь.

Он взял ее, рассматривая. Обратил внимание на рисунок на ногтях. Со всеми несчастьями шеллак еще держался. Неужели, когда украшения снимал, не до того было?! Посмотрел на ладонь, проведя по ней пальцем. С трудом сдержалась, чтобы не выдернуть руку, но он сам ее отпустил.

— Идем, — бросил он мне и добавил: — Помалкивай о себе.

Из всего сделала вывод, что он не исключал возможность моего выкупа и хотел дожидаться отъезда хозяина, чтобы потом при возможности обстричь это втихаря. Ведь на выкупе благородной дамы можно заработать намного больше, чем на продаже рабыни, а хозяин давно здесь не бывал и не интересовался делами поместья. Вряд ли и в этот приезд задержится надолго. Это окрылило. Ведь если он будет надеяться заработать на мне, то и обращаться должен бережно.

Что-либо доказывать самому хозяину поместья я опасалась. Кто его знает, вдруг, расскажи я ему свою историю, меня или сумасшедшей объявят, или ведьмой. Вон, даже к Варлее у некоторых людей отношение настороженное. Лучше повременить с признаниями. Да и станет ли он слушать слова рабыни? На жадность управляющего я все же больше рассчитывала.

К приезду агтана вся челядь дома выстроилась во дворе. Меня только и успели представить немолодой дородной женщине со строгим лицом. Ну как представить... Управляющий указал на меня и сказал, что я новая рабыня, приказал пока разместить, а он потом сам решит, куда меня определить. На этом посчитал свою миссию выполненной и удалился по своим делам.

С его уходом та осмотрела меня скептическим взглядом. Судя по описанию Варлеи, это была та самая Агата.

— Добрый день! — вежливо поздоровалась я. — Меня зовут Виктория.

— Как тебя будут звать, не тебе решать, — отбрила меня она. — В доме раньше работала?

— Не работала.

— Что умеешь?

— Ничего.

Взгляд женщины приобрел презрительное выражение, когда она опустила взгляд на мой выпирающий живот.

— Я была замужем и недавно родила. — Голос мой дрогнул. — Мы путешествовали. На нас напали... меня торговцы нашли.

— Что же говоришь, что ничего не умеешь, раз хозяйство вела? — подозрительно посмотрела она на меня.

— У нас были слуги.

Не знаю, поверила ли она мне, так как с непроницаемым лицом произнесла:

— Теперь ты рабыня. Советую запомнить это и не создавать проблем, а то хуже будет. Следуй за мной.

Мы стали подниматься по лестнице, но тут прибежала служанка и сообщила, что хозяин едет. Не теряя спокойствия, экономка сменила направление, развернулась и начала отдавать приказания девушке. Я тенью следовала за ней.

Женщина уточняла, все ли готово, и приказала встречать хозяина на улице. Все так же следуя по пятам за экономкой, я прошла на кухню, где она поторопила всех, сообщив, что хозяин вот-вот будет. Тут ее взгляд упал на меня, и она приказала выдать мне передник и чепец.

— Подбери волосы! — с неудовольствием оглядела она мою заплетенную косу, из которой уже выбились прядки.

— У меня нет шпилек.

— Бетти, помоги привести ее в божеский вид, и выходите! — приказала она одной девушке, и та потащила меня за собой.

— Так это тебя купили? — шепотом спросила она, резво поднимаясь по лестнице на верхние этажи.

— Да.

— А где была все это время?

— Болела, — кратко ответила я, так как за девушкой приходилось чуть ли не бежать и много не поговоришь.

Мы забрались в чердачное помещение, она толкнула одну из дверей, пропуская меня в небольшую, бедно обставленную комнатку с голыми стенами. Узкая кровать, тумбочка, сундук, кувшин с тазиком для умывания. Спартанские условия, скажем так.

Девушка кинулась к тумбочке, бросив мне:

— Расплетай волосы!

Пока я это делала, она нашла деревянные шпильки и протянула мне. Я пригладила волосы и закрутила их в пучок, подколов. Бетти помогла мне правильно надеть чепец и разобраться с фартуком.

— Бежим! — поторопила она меня, и мы понеслись вниз. Будь я действительно больна, как пыталась показать управляющему, то сдохла бы на этой лестнице, еще когда мы поднимались.

Успели в последний момент. На улице уже собрались все слуги, и подъезжала карета. Экономка бросила на нас недовольный взгляд, шикнув, и мы быстро встали во второй ряд с краю. Управляющий встречал хозяина на подъездной аллее.

Меня, наблюдавшую вместе со всеми за каретой, посетило чувство нереальности происходящего. Как будто я стала участницей съемок исторического фильма. Вот сейчас режиссер крикнет: «Стоп! Снято» — и напряженно застывшие люди в исторических костюмах заулыбаются, расходясь.

Все эти дни мне помогала не сойти с ума лишь одна мысль — мой ребенок жив. Одно это спасало и не позволяло погрязнуть в отчаянии, так как положение мое было незавидное. Рабыня, оказавшаяся непонятно где, на самом дне местной иерархии, без прав и средств к существованию. Вера, что сын и Влад живы, позволяла надеяться и давала силы бороться с обстоятельствами, стойко перенося удары судьбы.

С любопытством ждала появления своего хозяина, и он не заставил себя ждать. Стоило карете остановиться, как подошедший слуга в ливрее поспешил к ней, открывая дверцу. Управляющий застыл с подобострастным лицом, встречая.

Я еще предположила, что хозяин немолод: разве будет молодой человек в жару трястись в душной карете? Трость, которую я увидела первой, укрепила мои предположения, но вслед за ней, тяжело ступая, выбрался довольно молодой худощавый мужчина лет тридцати на вид. Шляпа наподобие цилиндра бросала тень на его лицо, но мне показалось, что у него там шрам. Издалека было сложно судить. Он поздоровался с управляющим и, опираясь на трость, медленно пошел к дому, прихрамывая на левую ногу.

— Выходит, правду говорили, что хозяин пострадал во время раскрытия заговора, — прошептала Бетти.

Экономка шикнула на нее, послав убийственный взгляд, и девушка сильно покраснела, потупившись. Наверное, случайно озвучила свои мысли. Я же приняла это к сведению, с любопытством вытягивая шею, чтобы рассмотреть приближающегося мужчину. Он без особого интереса слушал управляющего.

Сейчас мне была видна его здоровая часть лица. Красивый, но какой-то хищной красотой, вызывающей тревогу. Чуть длинноватый узкий нос, разлет темных бровей, цвет глаз скрывали густые ресницы. Губы тонковаты, но, возможно, они были чуть поджаты из-за боли, что он, вероятно, испытывал. На это указывала восковая бледность его лица.

Когда они приблизились к нам, экономка присела, приветствуя его. Тот повернул в ее сторону голову, и я судорожно вдохнула, увидев безобразный неровный шрам на левой щеке,

который тянулся от виска и до самой шеи. Это привлекло ко мне внимание, и он глянул на меня.

Взгляд темно-серых глаз цвета хмурого неба заморозил. Он посмотрел на меня вскользь, задержавшись на шее и фигуре. Без интереса, так рассматривают муравья, что выполз случайно на дорожку, по которой прогуливаются. Когда он отвел глаза, мне даже легче дышать стало. Взгляд же управляющего на меня выражал неудовольствие. Можно подумать, я специально внимание привлекла! Шрам выглядел свежим и уродовал лицо. Такое не каждый день увидишь.

Мужчины прошли в дом. Лакеи уже суетились, разбирая багаж. Я посмотрела на экономку. Женщина выглядела расстроенной.

«Переживает за хозяина?» — задумалась я.

Взяв себя в руки, она начала отдавать приказания, послав нескольких горничных разбирать багаж и призывая всех к работе. Люди засуетились, а я, не зная, что мне делать, последовала за ней, стараясь держаться рядом.

Стоило нам войти в дом, как повстречались с управляющим. Наверное, хозяин его отпустил.

— Эту, — указал мужчина на меня, — и еще одну служанку пришли ко мне в дом. Пусть Пьерго и на кухню мне кого-нибудь пришлет. — Посмотрев еще раз на меня, добавил: — И да, выдели ей форму и какую-нибудь одежонку.

Сказав это, он потерял ко мне интерес и удалился по своим делам.

Агата смерила меня задумчивым взглядом.

— Следуй за мной, — приказала она, но в голосе чувствовалось неудовольствие таким решением управляющего. — Бетти, пойдешь с ней и всему обучишь, — сообщила она знакомой мне девушке. Та поникла, и я поняла, что отправка в дом управляющего сродни понижению. Наверное, не простила ей несдержанность во время встречи с хозяином и решила убрать с глаз долой.

Мне выделили две нижние рубашки, похожие на ту, что принес вместе с платьем управляющий, еще один чепец, серое платье и фартук. Пришлось еще раз подняться по лестнице в комнату Бетти. Она собрала свои нехитрые пожитки, а я сложила в узелок, который забыла в ее комнате, выделенные мне вещи. Девушка была расстроена и молчалива, и я не лезла к ней с вопросами. Собравшись, покинули поместье.

Дом управляющего выглядел скромно, без изысков. Кирпичное двухэтажное здание размером десять на десять метров. С другой стороны, если нам нужно будет убирать здесь, то даже хорошо, что он небольшой — меньше работы. Мы вошли в дом, и, судя по застоявшемуся воздуху, я сделала вывод, что здесь не жили. Интересно, и где все это время управляющий обитал? В главном доме? Были заметны следы недавней уборки.

Комнаты для слуг оказались расположены тоже на чердаке, но, по крайней мере, до него добираться было ближе, чем в главном доме. Мы с Бетти, не стовариваясь, заселились в одну комнату с двумя кроватями. Все же это лучше, чем небольшие пеналы на одного, где стены давят. В комнате было небольшое окошко под потолком, которое пропускало свет.

Разложив вещи, мы посмотрели с ней друг на друга.

— Пойдем глянем, что нужно сделать, — вздохнула она, обратившись ко мне.

— Меня Вика зовут, — представилась я. Бетти лишь кивнула, но я была благодарна ей,

что она не стала указывать мне на то, что у меня больше нет имени.

* * *

Прошла неделя, и я постепенно втягивалась в новую жизнь. Управляющий в доме появлялся нечасто. Как утром уходил, так только к ночи возвращался. Наверное, с приездом хозяина появилось очень много дел.

Помимо нас в доме был еще повар Жак, долговязый молодой парень лет двадцати. Вот кто искренне радовался переселению сюда. В главном доме он был одним из помощников на кухне, а здесь сам стал шеф-поваром и очень гордился своей самостоятельностью. Пытался даже нами командовать, но Бетти тут же его отбрила, за что я ее заважала. Парень некоторое время дулся на нас, но сменил гнев на милость после того, как обжег руку, а я предложила ему свою мазь. Пусть делала ее для другого, но там травы, и я предположила, что вреда не будет. Я сама нанесла ему снадобье и сделала перевязку чистой тканью. Когда ожог прошел уже к вечеру, благодарности его не было границ. Ведь если бы не я, то он некоторое время не мог бы готовить и его б заменили, а он очень дорожил этим местом.

После этого происшествия он сменил гнев на милость и уже нормально с нами общался, на поверку оказавшись неплохим парнем. Да и с Бетти я не то чтобы сдружилась, но сблизилась. Она действительно оказалась болтушкой, я очень многое от нее узнала о порядках в доме. К счастью, она любила больше говорить, чем слушать, и с вопросами ко мне не лезла. Я оказалась единственной рабыней в поместье. Войн давно не было, и если рабов и привозили, то стоили они очень дорого. Такой товар был больше востребован в крупных городах. Лишь стечение обстоятельств привело сюда торговцев.

Бетти учила меня, как нужно правильно убирать, и очень удивлялась, что я ничего не умею. Можно подумать, я раньше каминные решетки чистила или паркет натирала! Еще свои личные вещи мы стирали сами, а вот господские и постельное белье носили в прачечную, которая была при главном доме. Удивительно, но сложнее всего оказалось привыкнуть к отсутствию канализации. Надо было видеть мое лицо, когда я первый раз воспользовалась ночным горшком. Да-да! Раньше я о них только слышала, а тут пришлось осваивать. Убивала невозможность нормально помыться. Я теперь понимаю, почему слуги носят чепцы — чтобы не были видны жирные волосы! Я все же нашла выход из ситуации.

Управляющий запретил мне появляться в главном доме, и туда ходила Бетти с Жаком. За продуктами или белье в стирку отнести. Я спросила его разрешения на посещение Варлеи. Он сначала воспринял просьбу в штыки, но я пояснила, что мне бы не помешал ее укрепляющий настой для здоровья, а также рассказала про мазь, которая помогла Жаку. Что плохого, если знахарка научит меня разбираться в травах? Ведь я тогда сама и от простуды отвар сварю, и для ран мазь сделаю. В доме такие вещи всегда под рукой должны быть.

«Что ж, вреда не будет, если она поделится знаниями, а то к ней лишний раз и обращаться не хочется. Узнай у нее рецепт от головной боли! — наказал он. Судя по тому, что просил он явно для себя, я поняла, что говорит тот о местном аналоге антипохмелина. Выпить мужчина любил и вечерами всегда опустошал кувшин вина. — Можешь ходить к ней, когда время свободное будет, только смотри, глаза людям не мозоль!»

Получив добро, я воспрянула духом и, после того как мы с Бетти привели в порядок дом, сразу же направилась к знахарке. Жак мне даже пирогов разрешил взять ей на гостинцы. Вот

у нее я и искупалась нормально первый раз. Еще Варлея мне показала в лесу озеро, где можно было окунуться, пока тепло. Местные днем заняты работой и там не ходят, а дети предпочитают пруд. Вот я и приноровилась по дороге к ней или от нее купаться.

Время, что я проводила у нее, мы разделили на обучение письму и приготовление настоев и мазей. Часть готовых снадобий я забирала с собой. Бетти первое время косилась на меня, что я со знахаркой общаюсь, но когда я однажды утром опробовала свой настой на управляющем и он тут же просветлел лицом, подобрев, сменила гнев на милость. Еще этому поспособствовала мазь, которую я ей дала от прыщей. Они иногда у нее появлялись, чем приводили в отчаяние. Да и сам управляющий на себе ощутил пользу моих занятий. Однажды у него скрутило живот, когда он вечером вернулся домой, и сделанный мной отвар оказался очень кстати.

Еще Варлея передавала разные травки Жаку, чем приводила его в восторг. «Не понимаю, откуда она их взяла?!» — поражался он чуть ли не каждый раз, как я приносила ему передачу от знахарки, и в ответ всегда собирал что-нибудь вкусное для нее.

Жизнь казалась сносной. Находясь в стороне от главного дома, мы были ограждены от тамошней суеты и постоянного надзора. В отсутствие управляющего спокойно делали все домашние дела, и у нас оставалось свободное время. Одна лишь Бетти тоскливо вздыхала каждый раз после посещения поместья.

— Объясни, чем ты недовольна? — не выдержала я однажды. — Здесь у тебя меньше работы и никто над душой не стоит.

— Ты не понимаешь, — тоскливо произнесла она. — Хозяин вернулся, и хоть сейчас он никого не принимает, но вскоре двери дома распахнутся, и в гости начнут приезжать господа и нарядные дамы. Обязательно будет бал! Дом оживет. Ты себе не представляешь, какая красота вокруг будет.

— Что за радость в бале, если ты на нем лишь прислужница? — не поняла ее логики я.

— Хоть одним глазком посмотреть на всю эту роскошь, — мечтательно протянула она, но, видя, что я ее восторгов не разделяю, обиделась. — Можно подумать, ты на балу танцевала!

Я посмотрела на нее и отвела глаза. Пусть на местных балах я не была, но мы с Владом выходили в свет. Воспоминания прежней счастливой жизни резанули.

— Вика?!

Отвернувшись, я выскочила из комнаты, где мы убрали, и поспешила на воздух.

Шли дни, но меня никто не искал. Ночами я задавалась вопросом, неужели моя жизнь так и пройдет в вечном натирании полов и уборке?! Сердце болело за сына. Пусть он с Владом и тот о нем позаботится, но невозможность прижать его к себе, быть рядом с ним мучила душу.

— Вика, прости, — погладила меня по плечу подошедшая Бетти.

— Все в порядке, — взяла себя в руки я. — Ты не против, если я схожу к Варлее?

— Иди, я закончу.

— Спасибо! — Я через силу улыбнулась ей и пошла собираться.

— Травы не любят безразличного к себе отношения. Мазь нужно делать с душой, а мыслями ты не здесь, — проворчала Варлея, забирая у меня ступу, где я измельчала травы. — Что стряслось, что лица на тебе сегодня нет? Управляющий обидел?

— Нет. Ему не до нас. Дома почти не бывает.

— Тогда что с тобой?

— Поверить не могу, что моя жизнь пройдет вот так... в этом ошейнике, — дотронулась я до шеи.

Убрав ступу, Варлея подошла и села рядом со мной.

— В жизни нет ничего постоянного. Не отчаивайся.

— Это точно, — согласилась я с ней. — Живешь себе счастливо, а потом в один миг весь твой привычный мир рушится без следа, и ты уже чья-то собственность.

— Если судьба посылает тебе испытания, значит, это зачем-то надо.

— Зачем нужно было лишать меня сына? Я же не знаю даже, где он, что с ним?

— Если твое сердце рвется к нему, то вы обязательно встретитесь. В своей жизни я повидала много людей, но лишь те, кто не опускал рук, добились того, чего хотели. Нет ничего страшнее отчаяния, когда человек теряет веру в себя и надежду. Я тебе вот что скажу — пока ты жива, все еще может измениться. Жизнь, она такая — никогда не знаешь, какой стороной к тебе повернется, но лишь принимая ее во всех проявлениях, ты обретаешь счастье. Не познав лишений, никогда в полной мере не оценишь и подарков.

Закрыв лицо руками, я некоторое время сидела, обдумывая ее слова и справляясь с неожиданно охватившей меня малодушной слабостью. Варлея права. Тысячу раз права! Главное, что я жива и сын мой жив. Буду приспособливаться к этому миру, чтобы его найти, и лишь моя смерть может помешать сделать это, а не какой-то ошейник.

— Давайте сегодня займемся письмом, — обратилась я к знахарке.

— Вот и правильно! Так и надо, милая, — одобрила она и пошла за мукой. Бумага была слишком ценна, и мы писали на столе, чертя на нем слова.

— Ты уверена, что раньше не умела читать? — спросила через некоторое время Варлея, когда я правильно прочитала слово «рахшан». Самое удивительное, что я даже увидела перед глазами картинку животного, напоминающего вымершего у нас саблезубого тигра.

— Уверена. Ваш язык я не знала, — медленно произнесла я, а в душу начал заползать страх: я не понимала, что происходит и как такое возможно.

— Слишком легко у тебя все получается. Как будто ты вспоминаешь забытое.

Ее слова попали в точку, отчего стало тревожно. Ладно, допустим, я взрослый образованный человек, который легко усваивает информацию. Но не настолько же?! Слова и их значения просто всплывали у меня в мозгу. Как такое может быть?! И откуда я знаю, как выглядит этот рахшан?!

Решив выяснить это, я спросила Варлею:

— А рахшан — это зверь вроде тигра, с большими клыками?

— Кто такие тигры? — вопросом на вопрос ответила знахарка. Пришлось изворачиваться и описывать. В конечном итоге выяснили, что рахшан именно такой, каким я его себе представила при произношении этого слова. Все эти странности вызывали лишь вопросы и не способствовали душевному спокойствию.

— Наверное, закончим на сегодня. Пойду я, — засобиралась я.

— Скажи-ка, милая, ты замужем? Наверное, недавно? — неожиданно поинтересовалась знахарка, окидывая меня задумчивым взглядом.

— Не сказала бы. Чуть больше года.

— До этого странности какие-нибудь в себе замечала?

— Какие?! — вымученно воскликнула я, но, поняв, что она имеет в виду знание языка, покачала головой.

— Тогда действительно не понятно...

— А если бы замечала, то что? — Мне стало любопытно, какие у нее были предположения.

— Скажи лучше, при брачном обряде ты с мужем кровью обменивалась?

— Нет! Что за дикость?! — Варлея бросила на меня странный взгляд, но больше ничего говорить не стала, и, распрощавшись, я ушла.

Лишь оказавшись у озера в лесу, вспомнила — после свадьбы мы с Владом много путешествовали по разным экзотическим местам, и в Индии посетили храм богини. Как же ее звали?.. Лакшми, кажется. До этого мы обошли множество храмов, но именно в том Влад задержался. На алтарь он положил кольцо с пальца, зажег благовония и пролил немного вина. Также ему пришлось в голову смешать нашу кровь в чаше с вином и разделить ее на двоих. Мне это показалось романтичным, и я пошла у него на поводу. Кстати, именно после этой поездки я забеременела, и с путешествиями мы завязали.

Но какое отношение это имеет к происходящему со мной сейчас?! Не понимала. Желая избавиться от неприятного осадка на душе, я решила окунуться в озеро. Чтобы не купаться голый, для плавания приспособила свое нижнее белье. Этаким неприязательный купальник. Быстро раздевшись, нырнула с хлипкого старого мостика в воду.

Как же мне хотелось почувствовать себя прежней! Хоть на миг представить, что я на Земле и свободна. Можно же притвориться, что я в обычном лесу, приехала отдохнуть, и где-то неподалеку находятся моя машина, шум дорог и суета городов.

Я плавала, изматывая себя. Стараясь то ли убежать от всего непонятного в моей жизни, то ли обрести частичку уверенности, что ничего ужасного не происходит.

«В конце концов, непонятно откуда всплывающие знания не самое страшное из того, что со мной произошло, — в итоге пришла к выводу я, обессиленная, подплывая к мостику и усаживаясь на нем, подтягивая к себе колени. Положив на них подбородок, задумалась. — Понимаю же местный язык, вот и эти знания помогают мне адаптироваться в этом мире. Жаль, раньше фэнтези не читала, но можно же предположить, что это такой своеобразный побочный эффект от моего попадания сюда».

Иных логичных вариантов не было. Чуть передохнув, я встала и, вернувшись на берег, сняла с себя мокрое белье. Достав из плетеной корзины специально прихваченное с собой полотенце, вытерлась насухо и завернула в него свой влажный купальник.

Неожиданно я почувствовала на себе чей-то взгляд и резко оглянулась. Осмотревшись по сторонам, никого не заметила. В лесу царили тишина и покой. Все же меня это не успокоило, и я начала торопливо натягивать на себя одежду. Последним надела на голову чепчик. Хоть какая-то польза от него! Мои влажные волосы не бросались в глаза, со стороны и не скажешь, что я купалась. Подхватив корзину, поспешила дальше.

Мой шаг ускорился, когда я вспомнила, что когда в лесу тихо — это первый признак того, что рядом притаился хищник. Именно поэтому птицы замолкают.

— Только с волком встретиться не хватало! — пробормотала я и стремглав понеслась по тропинке. Может, и нельзя было убежать, но просто идти я была не в силах. Успокоилась,

лишь когда выскочила из леса.

«Поплавала, побегала, переходим к фитнесу», — невесело усмехнулась я, слушая тревожное биение своего сердца. День еще не закончен, а работа в доме найдется всегда.

Вернувшийся поздно вечером управляющий приказал накрыть поужинать. Пока я сервировала стол, а Бетти носила с кухни блюда, он сверлил меня задумчивым взглядом, а потом поинтересовался, ходила ли я сегодня к знахарке. Я ответила утвердительно. Чуть подумав, он сказал, что мне больше нечего у нее делать. Я хотела возразить, но, наткнувшись на его взгляд, сжала зубы и продолжила заниматься делом. Просить было бесполезно. По крайней мере, в данный момент.

Всю ночь я не могла уснуть, глотая слезы от несправедливости. Приказ лишний раз показал, насколько шаткое у меня положение. Лишь на следующий день я догадалась о причинах такого решения. Вернувшаяся из поместья Бетти принесла новости: вчера аттан, возвратившись с прогулки, всполошил всех своим распоряжением — ему зачем-то понадобилось, чтобы все служанки дома предстали перед ним без чепчиков.

«Все женщины!!! — потрясенно воскликнула она, никак не придя в себя от известия. — До сих пор люди теряются в догадках, зачем ему это надо было. Ведь рассмотрев всех, он уточнил, есть ли отсутствующие. Послали за Сель, у которой был выходной. У нее сестра родила, и она отпросилась. Посмотрев на нее, он отправил девушку обратно и недовольный ушел к себе».

— У хозяев свои причуды, — безразличным тоном ответила я ей.

Опустив голову, я с преувеличенным вниманием натирала столовые приборы, всеми силами стараясь не выдать себя. У меня появились догадки насчет странного поведения аттана, но делиться ими я не собиралась. Успокаивало лишь одно — мое лицо он толком не рассмотрел, поэтому и искал по влажным волосам.

Или цвету? Рыжие волосы тоже приметные, но мокрыми они выглядят темнее, чем на самом деле, и если смотреть издали, то цвет разобрать сложно. Нет, скорее всего, искал ту, у которой волосы влажные, а мой ошейник рабыни не заметил потому, что мокрые пряди облепили шею.

Обиженная отсутствием интереса с моей стороны, Бетти направилась делиться информацией с Жаком, а мне захотелось постучаться головой об стену, стора от стыда.

«Еще бы он лицо рассмотрел, — скривила я губы. — Когда мужчина видит голую женщину, лицо — это последнее, на что он обращает внимание».

Через день стало известно, что аттан на пару дней отбыл в город, а я познакомилась с любовницей управляющего. Тот заранее распорядился накрыть ужин на двоих и вечером пришел в ее сопровождении.

Филисия оказалась статной черноокой девушкой. О таких говорят — все при ней. Глянцевые черные волосы были собраны в пучок, но несколько специально выпущенных прядей обрамляли красивое лицо. Она чем-то напоминала цыганочку. Такая же, как у них, смуглая кожа, яркие черты лица, цепкий взгляд. Ради вечера она сменила униформу на темно-фиолетовое платье, ворот и рукава которого были украшены кружевами.

Я уже была наслышана о ней от Варлеи. В поместье она значилась горничной, но из-за связи с управляющим обрела такую власть, что смела спорить даже с Агатой, нарушая всю субординацию. Только с приездом хозяина немного присмирела и гонор свой не

демонстрировала.

На меня она бросила любопытный, но совсем не добрый взгляд.

— Это твое новое приобретение? — с пренебрежением осмотрела она меня, не спеша садиться за стол.

Все уже было накрыто, и мы с Бетти замерли у стены, ожидая дальнейших распоряжений.

— Покажи зубы! — неожиданно приказала она мне.

Я бросила ошеломленный взгляд на управляющего, и не думая подчиняться.

— Филисия, дорогая, на зубы смотрят до покупки, а не после, — пришел мне на помощь управляющий, подталкивая свою зазнобу к столу. Та недобро зыркнула на меня, но подчинилась.

Интуиция мне подсказала, что подругами нам с ней не быть и в покое она меня не оставит. Так и вышло. Когда я прислуживала за столом, она обратила внимание на мои руки.

— Фу! Что у нее с ногтями? — скривилась она. — Это заразно?

— Что не так? — забеспокоился управляющий.

— Барт, ты только посмотри.

Пришлось подойти к нему и показать свои пальцы. Шла третья неделя, ногти заметно отросли. Я по возможности старалась укоротить шеллак, но снять его не получалось.

— Что это с ними? — посмотрел он на меня.

— Покрытие для ногтей. У нас его для красоты наносят, но снять без специальных средств нельзя, — как можно спокойнее ответила ему я, стараясь не демонстрировать эмоции.

— Вот видишь, ничего страшного, — посмотрел он на любовницу.

— И ты ей веришь? — сморщила носик она.

— Иди на кухню, — приказал он мне, усылая с глаз долой. Такому приказу я с превеликим удовольствием подчинилась.

Филисия осталась на ночь и ушла лишь утром. Бетти мне сообщила, что слышала, как та не единожды просила управляющего избавиться от меня, заменив другой служанкой, но тот посоветовал ей не лезть в его дела. Они даже поссорились на этой почве, так как та заревновала, обвинив его в связи со мной. К сожалению, именно после этого я стала ловить на себе внимательные взгляды управляющего, от которых леденело все внутри. Даже начала опять пояс под платье надевать, чтобы он немного портил фигуру. Только живот втянулся, да и с такой новой жизнью я похудела, и эффект был слабым.

Однажды управляющий приказал набрать ему ванну, и мы с Бетти стали греть и таскать ведра с водой. Когда все уже было готово и я принесла холодной воды для ополаскивания, он перехватил меня, когда я разгибалась. Его руки по-хозяйски легли мне на грудь.

— А ты ничего... ладная, — сообщил он, тыкаясь усами мне в шею.

Как ужаленная, я вырвалась и, развернувшись, залепила ему пощечину. Действовала на инстинктах. Ничего не могла поделать с омерзением, что охватило меня.

— Благородная, да? — зло прищурился он, потирая щеку. — Ты здесь никто! Рабыня. Именно от меня зависит, какая тебя жизнь ждет, я же могу как сгноить, так и возвысить.

Тяжело дыша, я смотрела на него, ища выход. Ситуация была хуже не придумаешь, да еще этот урод окинул меня масляным взглядом и протянул руки:

— Иди ко мне. Будешь ласковая, и я тебя не обижу.

— Нет!

— Раздевайся! Это приказ, — властно произнес он, сменив тон. — Помочь? — шагнул ко мне.

— Да пошел ты! — прошипела я. — Охладись. — И окатила его ледяной водой, которую принесла.

Пышные усы обвисли, а сам управляющий покраснел и хватал ртом воздух как рыба, вытасченная из воды. Воспользовавшись возможностью, я сбежала.

Нет, он не последовал за мной, но следующим утром приказал мне собираться и идти за ним. Придя в поместье, передал на попечение Агаты, поручив ставить меня на самую тяжелую и грязную работу.

Стоя на коленях, я скребла полы. Руки от холодной воды заледенели, но это было еще не самое сложное задание. За эти дни я осунулась и чувствовала себя разбитой клячей, на которой пахали без продыху. А чему удивляться? Вставала я, когда еще было темно, и спать ложилась чуть ли не самой последней. Сил хватало лишь упасть на кровать, которая находилась в тесной камерке, меньше моей гардеробной в доме, и отключиться. Я уже не радовалась белому свету и понимала, что долго так не выдержу. Дни в доме у управляющего казались отдыхом в санатории по сравнению с такой жизнью. Но как бы ни было тяжело, стоило мне поймать его взгляд на себе, и я упрямо задирала подбородок, отворачиваясь. Лучше сдохну, чем под него лягу!

Чем я только за это время не занималась: горшки ночные за всеми выносила, плиты отчищала, кастрюли скребла, но тяжелее всего оказалось в прачечной. Хорошо еще, что меня туда ненадолго поставили, но кожу на руках я спасла лишь благодаря крему, что у меня остался от Варлеи. Спасибо Бетти, которая втихоря принесла мне все травки и мази, что я делала. Девушка сочувствовала мне, но убеждала, что еще повезло — управляющий мог приказывать выпороть меня в наказание за непослушание. Может, и так, но думаю, что его сдержало возвращение хозяина. Тот вполне мог поинтересоваться причиной экзекуции.

Аттана я видела несколько раз мельком. Он еще хромал, но двигался бодрее. В дом потянулись первые посетители, стремящиеся засвидетельствовать ему свое почтение.

— Вот твое настоящее место! А еще благородную из себя изображаешь, — услышала я. Подняв голову, увидела стоящую надо мной Филисию, не скрывающую злорадства.

— Не тебе судить. Изображаешь же ты из себя хозяйку дома, когда являешься всего лишь служанкой, — не осталась в долгу я.

— Ах, ты! — замахнулась она на меня.

— Филисия, займись делом! — В коридоре появилась Агата. Я же замерла на месте. Мой взгляд прикипел к руке девушки — рукав платья приподнялся, и на ее запястье я увидела золотой браслет. Мой браслет! Я сама его себе купила с первой удачной сделки, а теперь эта гадина нацепила его на себя. Не стоило труда догадаться, кто ей его подарил и за какие заслуги.

В раздражении та опустила руку, но не смогла просто уйти — пнула ведро, разливая воду.

Агата дождалась, когда та уйдет и, одарив меня внимательным взглядом, величаво удалилась. Я же чувствовала себя Золушкой в доме злобной мачехи, собирая разлитую воду.

Мой браслет на руке этой лахудры стал последней каплей, переполнившей мое терпение. Наверное, именно поэтому я не сдержалась, когда на меня обратил внимание сам аттан.

Меня отправили отнести помой на скотный двор, и, пригибаясь под тяжестью ведер, я не смотрела по сторонам.

— Ты! — неожиданно услышала я и, подняв глаза, увидела хозяина дома. Не знаю, что он делал в этой части двора и как здесь оказался, но я была настолько измучена работой, что бросила на него безразличный взгляд. — Постой. Ты уже родила? Почему тебе дают тяжелую работу? Где ребенок?

— Я не была беременна, — ответила ему и собиралась идти дальше, как следующие слова заставили меня буквально вздрогнуть.

— Не ври мне! — неожиданно зло рыкнул он. — Что ты с ним сделала? Убила?

— Да как вы смеете обвинять меня в этом?! — взорвалась я, грохнув ведра об землю. Помои расплескались, и он отступил, чуть покачнувшись при этом, чтобы не испачкаться, а потом в некоем шоке посмотрел на меня. В гневе смело встретив его взгляд, ядовито произнесла: — Я была полная, потому что недавно родила, а не потому, что была беременна. Чувствуете разницу?

Аттан смотрел на меня так, как будто я обзавелась второй головой, но меня достали, особенно этот высокомерный придурок. Глупо? Может быть. А что я теряла? Хуже, чем есть, не будет, и я продолжила:

— Рабский труд с утра до ночи быстро помог прийти в форму. Опережая ваш вопрос — родила я до того, как попала в рабство, но если вы такой рачительный хозяин, то лучше бы обратили внимание на своего управляющего — он вор!

— Несколько смелое заявление... от рабыни, — начал приходить в себя аттан, в глазах его появился опасный блеск.

— Обоснованное! Он украл мои украшения и, мало того, имел наглость подарить своей подстилке. Хотя о чем это я... Это не стоит вашего высочайшего внимания, — с презрением произнесла я и, подхватив ведра, пошла себе дальше.

— Стоять! — рявкнул он. Да, таким окриком и коня на скаку остановить можно, столько властности в голосе было, но не взбешенную женщину, доведенную до предела.

— Да не пошли бы вы, — оглянулась на него я.

— Куда? — завис он.

— Куда шли.

* * *

Аттан Корнуилса, приближенный самого императора, кавалер Ордена Славы и Первый советник Ингурской империи, почувствовал, как земля уходит из-под его ног. Его... Его!!! В его собственном поместье посмела послать его же рабыня. Да даже злейшие враги не позволяли себе неуважения к его персоне, прекрасно зная, что он смертельно опасен и не прощает оскорблений.

Он был настолько потрясен вопиющим поведением рабыни, что оказался способен лишь наблюдать, как та удаляется с безупречно прямой спиной, как будто королева, закончившая аудиенцию. Она и не думала останавливаться, а бежать за нахалкой он посчитал ниже своего достоинства, которое и так бесцеремонно попрали. Он был в бешенстве и знал, кто падет первой жертвой. Резко развернувшись, направился к дому. Если она не соврала...

Приказав прислать к нему управляющего, он прошел к себе в кабинет и с осторожностью опустился в массивное кресло. Ногу свело от боли, и он вытянул ее вперед.

Ему не нравилось, когда происходило что-то непонятное, а с этой рабыней явно было что-то не так. Он узнал ее совершенно случайно. Посмотрев вскользь на идущую мимо служанку, взглядом зацепился за ее профиль. Задумчивое выражение на лице девушки живо напомнило ему образ незнакомки с озера.

Тогда он совершал пешую прогулку по лесу. Врач посоветовал разрабатывать ногу и ходить пешком. С каждым шагом преодолевать боль он решил в лесу. Не хотел, чтобы лишние глаза видели его в момент слабости. В тот раз он зашел дальше, чем планировал, и не рассчитал силы. Чувствуя позорную дрожь в ногах и испарину на лбу, сошел с тропинки и присел в тени дерева отдохнуть неподалеку от озера. Кажется, даже задремал, когда его разбудил плеск воды. Увидев плавающую девушку, в первый момент решил, что это русалка или лесная дева, но вскоре нимфа выбралась на мостик, явив длинные стройные ноги, и задумчиво замерла. Она сидела к нему в пол-оборота, и он видел ее точеный профиль. Как будто скрываясь от его взгляда, она обняла себя за колени, положив подбородок на них.

Он не верил своим глазам и боялся пошевелиться. И мысли не возникло, что это кто-то из деревни. Те или купались бы в рубашках, или обнаженными, но не в странном белье, которое больше будило воображение, чем что-то скрывало. К тому же слишком свободно незнакомка чувствовала себя в воде, уверенно рассекая воду и ныряя, местные женщины так плавать не умели.

Как незрелый юнец, ощутил сухость во рту, когда девушка встала и наклонилась, снимая с себя белье и растираясь полотенцем. Впервые, после ранения, его взволновало женское тело. Жадным взглядом изучал ее фигуру, неосмотрительно выставленную напоказ. И она как будто почувствовала его взгляд, тревожно замерев и оглянувшись в его сторону. После этого движения ее стали торопливы, а он испытал шок, когда в платье, что она на себя быстро надела, он узнал униформу служанки дома.

Вернувшись тогда с прогулки, он приказал явиться всем, желая выяснить личность незнакомки, но как настоящей морской деве ей удалось ускользнуть. Раздосадованный, он на следующий день решил поехать в город и помимо текущих дел сбросить напряжение с профессионалками, раз у тела проснулись потребности. Лишь в дороге у него мелькнула мысль, что среди слуг он не увидел новой рабыни.

К своему возвращению интерес к лесной девушке он потерял, справедливо решив, что просто переутомился, поэтому так на нее и отреагировал, но, привыкший докапываться до правды, насчет рабыни спросил у управляющего. Тот ответил, что девушка и еще одна служанка работали в его доме. Он направил ее к себе, чтобы она пообвыкла, но сейчас та переведена в главный дом. «Хотите ее видеть?» — спросил тот его.

«Не много ли чести? — скривил тогда губы он. — Работает, и ладно».

К тому же он помнил, что рабыня была в положении и уж никак не могла быть незнакомкой с озера.

И теперь эта случайная встреча. «Ты?!» — непроизвольно вырвалось у него. Заметил ошейник рабыни на незнакомке, и кусочки мозаики сложились. Он только не понимал: если она родила, то почему ей дают тяжелую работу?

«Я не была беременна», — с безразличным видом ответила она и собралась идти дальше, как будто не замечая, что сам хозяин с ней разговаривает.

Сотни мыслей промелькнули у него в голове в этот момент. Он почему-то решил, что она избавилась от ребенка, и разозлился, испытывая отвращение к еще одной бессердечной мерзавке, но ее неожиданная реакция заставила его потерять дар речи. Девушка как будто проснулась и язвительно отчитала его. Упоминание об украденных драгоценностях, манера поведения, все указывало на ее благородное происхождение. И сейчас он желал получить

ответы на свои вопросы, а осознание того, что управляющий его за дурака держит, взбесило.

— Ваша светлость, вызывали? — как нельзя вовремя появился тот.

— Расскажи мне, каким образом ты приобрел рабыню.

— Что-то не так? — тут же обеспокоился тот.

— Я жду. — Объяснить причины своего интереса он не собирался.

— Караван торговцев потрепали разбойники, и они решили зайти в город, чтобы восполнить потерю наемников. Остановились на ночь неподалеку. Я заглянул к ним и выгодно приобрел девушку.

— Выгодно?

— Они сделали хорошую скидку, так как она была больна.

— Ты приобрел больную рабыню? — лениво приподнял он бровь, давая понять, что не понимает причин такого решения.

Управляющий побледнел и начал оправдываться:

— У нас хорошая знахарка, я сразу отвез рабыню к ней. Сейчас девушка абсолютно здорова.

— На ней был рабский ошейник, когда ты ее покупал?

Мужчина сглотнул и просто посерел:

— Н-н-нет. Его надели, когда мы подписали сделку.

— И это не вызвало у тебя подозрений?

— В тот момент нет. Она была больна... Да и придя в себя, девушка приняла свое положение.

— Да? — заинтересовался этим моментом он, так как встреченная им особа вела себя отнюдь не как рабыня.

— Так точно, — закивал управляющий, чувствуя себя уверенней. — Она сказала, что осознает свое положение и понимает, что за нее заплатили деньги.

— Вот как... Ты пытался выяснить, откуда она?

— Да, но она сказала, что ударилась головой и прошлое свое помнит смутно.

— У нее были ранения на голове?

— Н-не видел. Могу уточнить у знахарки.

— Это надо было сделать еще до ее покупки. Мне не нравится такое пренебрежительное ведение дел, — позволил проявиться своему неудовольствию. — Я хочу видеть личные вещи, что были при ней. Все, — веско произнес он. В этот момент внимательно следил за женщиной и заметил, как забегали у того глаза.

— Чего вы ждете?

— Да-да! Сейчас, — поспешил на выход тот.

Пока он отсутствовал, вызвал слугу и приказал привести в его кабинет рабыню сразу после того, как к нему войдет управляющий. Теперь оставалось лишь ждать.

История с ней действительно была мутная. При транспортировке рабынь им надевали ошейники еще в начале пути, а не в момент продажи, но он не торопился делать выводы, пока только отмечая странности. Интересно, откуда она? Девушка не спешила открывать свои тайны. Если она из приличной семьи и попала в беду, то почему не обратилась к нему с просьбой написать родным, чтобы те ее выкупили?

Она сказала, что недавно родила, но и словом не упомянула о муже. Может, дело в этом? Сбежала с каким-нибудь красавцем, забеременела, а тот ее бросил. Тогда каким образом оказалась у торговцев? Даже если бы любовник, наигравшись, продал ее за долги, к примеру,

то на нее бы сразу надели ошейник рабыни.

— Разрешите? — вернулся управляющий, прерывая его размышления. — Вот, — положил он на край стола узелок с какими-то баночками и травами.

— Что это?

— Было в ее комнате.

— Это было при ней, когда ты ее покупал? — нахмурился он.

— Никак нет. Наверное, взяла у знахарки.

— Я просил принести вещи, которые были на ней в момент покупки!

Услышав в его голосе нотки сдерживаемого гнева, управляющий быстро засунул руку в карман и вытащил еще один узелок поменьше, споро его развязав.

— На ней были эти украшения.

— Почему я их вижу только сейчас?

— Так в сейф положил до вашего приезда и запомнил.

В такую отговорку верилось с трудом, но акцентировать внимание на этом сейчас он не стал, придвинув к себе украшения. Ничего особенного. Скромные, хотя дизайн непривычный. Явно работа не местных мастеров. Внимание притянуло одно кольцо с крупным бриллиантом.

Так-так-так. А вот это уже интересно. Просканировав его, он обнаружил на нем активный маячок. Опытным взглядом определил, что так просто его и не снимешь.

— Ваша светлость, как и приказывали... — В кабинет втолкнули рабыню.

— Подойди, — приказал он ей.

Испуганной та не выглядела. Наоборот, окинула гневным взглядом слугу, который не очень вежливо с ней обошелся, а потом подошла к столу, сразу заметив на нем свои вещи.

— Твои?

— Да.

— Все?

Девушка еще раз осмотрела украшения и, подняв на него спокойный взгляд, подтвердила это. Лишь в глубине необычных зеленых глаз притаилась настороженность.

— Откуда у тебя это кольцо? — указал он на заинтересовавшее его, не прикасаясь к украшению.

— Обручальное.

— Ты обручена? — уточнил он.

— Я замужем.

Пронзив ее взглядом, был вынужден признать, что она не врет. По крайней мере, интуиция подсказывала это.

— Странно, у нас замужние женщины носят обручальные браслеты.

— А некоторые дикари кольцо в носу. И что теперь?

— Ты что себе позволяешь?! — возмущенно одернул ее управляющий, но та даже не повернула головы, продолжая спокойно смотреть на него.

— Ты сравниваешь нас с дикарями? — вкрадчиво поинтересовался у нее аттан.

— С чего вы взяли? Хотела сказать, что у каждого народа свои традиции и культура. В некоторых цивилизованных странах, к примеру, считается хамством мужчине сидеть, в то время как женщина стоит.

— Мне встать? — Он не мог определиться, забавляет его ее поведение или бесит.

— Разве я вас об этом просила?

— Ваша светлость, позвольте мне научить ее почтению! — воскликнул управляющий, бросая убийственные взгляды на рабыню.

Что-то он сомневался, что у того получится это сделать, если только вырвать ей дерзкий язычок.

— Оставь нас! — осадил его. С заметной неохотой тот удалился, а он продолжал сверлить взглядом девушку.

— Как твое имя?

— Мне сказали, что у рабыни его нет, — тут же ответила она, и это уже вызвало раздражение.

— Хочешь остаться до конца дней рабыней? — поинтересовался он, и ему удалось пробить ее спокойствие. — Полное имя, откуда ты, как оказалась у торговцев? — властно перечислил интересующие его вопросы, показывая, что игры кончились.

— Хотите сказать, что если я отвечу на все ваши вопросы, вы снимете с меня это? — дотронулась она до рабского ошейника.

— Я подумаю об этом, — туманно ответил он ей. Не ожидает же она, что он будет ей что-то обещать?! Не в том она положении, чтобы ставить условия.

Вот только девушке опять удалось удивить его. Чуть поколебавшись, она произнесла:

— Тогда я подумаю, стоит ли отвечать.

— Кажется, ты плохо понимаешь свое положение... — ледяным тоном сказал он, позволив повиснуть в воздухе угрозе.

— Вы считаете? — Ее полные губы иронично изогнулись. — Можете поверить, работая с утра до ночи и выполняя самую тяжелую и грязную работу, я в полной мере ощутила свое положение. Желаете выпороть за непослушание? Ваше право. По крайней мере отлежусь.

— Тебя пороли? — нахмурился он.

— Нет. Для начала решили наказать изматывающим трудом.

— Наказать? За что?

— Спросите у своего управляющего.

— Я спрашиваю тебя.

— Мне нечего вам ответить.

Недовольный разговором, он сверлил девушку взглядом, но та закрылась от него, не желая идти на контакт.

— Ты понимаешь, что сейчас упускаешь единственный шанс хоть как-то изменить свое положение?

— Ошейник вы не снимете, и оно вряд ли изменится. Я могла бы с пеной у рта доказывать, что моя покупка незаконна, но кто меня станет слушать? На данный момент идти мне некуда, жить не на что, — бросила она короткий взгляд на свои украшения. — Не вижу ничего зазорного в том, чтобы отрабатывать свое проживание у вас.

— Это твое окончательное решение?

— Окончательной бывает только смерть, но исходя из данных обстоятельств — да.

— С этим утверждением можно поспорить, — сжал подлокотники кресла он, раздумывая, что с ней дальше делать. Взгляд упал на травы. — Зачем они тебе? Хочешь кого-то отравить?

Глаза девушки блеснули, и он не сомневался, что сейчас она бы с превеликим удовольствием отравила именно его, даже если раньше делать этого не планировала.

— Пока меня лечила знахарка, я попросила ее научить меня разбираться в травах, на

случай болезни. Она была так добра, что поделилась со мной ими и дала с собой мази. Я могу забрать свои вещи?

— У рабов ничего нет. Все, что они имеют, принадлежит их господину.

— Вы позволите взять травы, собранные на вашей земле, чтобы ваша рабыня смогла лечить себя ими, если заболит?

Он предпочел не заметить насмешки и позволил ей их забрать. Тем более что на первый взгляд ничего опасного он не увидел. Собирая их, она посмотрела еще раз на свои украшения. Он не удержался и поддел ее:

— Помнится, ты обвинила управляющего в воровстве, но все твои вещи на месте. Не хочешь извиниться?

— Еще недавно этот браслет я видела на женской руке, — девушка указала на него кивком головы.

— Ты могла ошибиться.

— Свой браслет я везде узнаю.

— Тогда как ты объяснишь, что сейчас он здесь? — Ему нравилось с ней спорить.

— Лично мне все ясно, и вам станет тоже, если попробуете рассуждать логически.

— Не поделишься своими выводами?

— Все мое — ваше, — съязвила она. — Тот, кто ей его подарил, попросту забрал обратно свой подарок.

— Скажи, на чьей руке ты его видела, и мы это проверим.

— Какая теперь разница? Все равно его уже там нет. Зачем попусту тратить время? Она будет все отрицать и скажет, что мне показалось. Ее слово против моего, ничего не докажешь. А потом моя жизнь здесь станет еще более невыносимой.

— Ты забываешь, что именно в моих силах сделать это.

— Что вы, разве вы позволите мне об этом забыть?

— Можешь идти, — отпустил он ее, чувствуя глухое раздражение. Он здесь совсем заскучал, раз позволяет дерзить рабыне.

Не поклонившись, девушка ушла, а он перевел взгляд на ее украшения. Тяжело поднявшись, подошел к картине и, сдвинув ее, нажал в определенной последовательности на завитки лепнины. Открылась ниша, и он достал из нее шкатулку, в которую сложил украшения со стола. Маячок с кольца сейчас снять он не в силах, но зато способен экранировать его.

Пусть его новая рабыня считает, что ее скоро найдут. Он подождет, пока надежда ее покинет, а гонору поубавится. За это время следует провести собственное расследование, выяснив все о ней, но прежде у него возникло несколько вопросов к управляющему, и он опять вызвал его к себе.

— Ваша светлость, прикажете выпороть нахалку? — с порога спросил тот.

Аттан отметил, как взглядом управляющий обшарил стол.

— Скажи-ка, милейший, зачем ты приобрел рабыню?

— Ну как же, — чуть замялся тот и начал перечислять: — Выгодная покупка... она молода, и все вложения окупятся... экономия.

— Сколько получают горничные?

— Пятнадцать фангов в год.

— А сколько низшая прислуга?

— Шесть, — ответил управляющий, уже догадываясь, куда клонит хозяин.

— Тем не менее рабыню поставили на самую черновую работу. Так о какой экономии речь? Вы при ведении всех моих дел столь бережливы?

— Это на первое время. Она ничего не умеет. Ей дали время научиться всему, вникнуть, как ведется хозяйство в доме, — начал оправдываться мужчина, заметно нервничая.

— Чем она занималась у тебя в доме?

— Убиралась, прислуживала за столом.

— Надо же, а я думал, что она научилась лишь помои выносить, раз ей эту работу дали.

Управляющий не нашелся с ответом, а аттан продолжил:

— Ты знал, что она недавно родила?

— Так точно.

— И что она только после болезни?

— ...

— Несмотря на это, ей дают самую тяжелую работу, а сейчас ты предлагаешь мне ее выпороть, чтобы она слегла и мы потратились на ее лечение, — припечатал он управляющего. У того даже усы уныло повисли, и он молчал, не зная, куда девать глаза. — Если у тебя не хватает ума иным образом приструнить слуг, то я сомневаюсь, что ты соответствуешь занимаемой должности.

— Ваша светлость! — жалобно воскликнул мужчина.

— Пошел с глаз моих! — рявкнул он на него. Управляющий попятился, низко кланяясь, а аттан добавил: — Передай все учетные книги. Хочу взглянуть.

* * *

После того как я отнесла помои животным, меня опять отправили скоблить полы. Не успела я набрать воды и приступить к работе, как ко мне прибежал лакей и потребовал срочно следовать за ним. Узнав, что меня вызывает сам хозяин, я, понятное дело, не спешила, ничего хорошего от этой встречи не ожидая.

— Да что ж ты еле тащишься?! — разозлился мужчина, оглядываясь и застав меня еще в самом начале лестницы.

Я же медленно поднималась по ступеням, не собираясь никуда спешить. К тому моменту, как поравнялась с ним, он уже пошел пятнами от злости. Больно схватив меня за руку, потащил за собой и буквально втолкнул в кабинет хозяина. Оглянувшись, я прожгла его взглядом, а потом оглядела присутствующих.

Стало понятно, что аттан решил выяснить правдивость моих слов и вызвал управляющего. Заметив на столе свои травы, внутренне поморщилась. Стало неприятно, что кто-то рылся в моих нехитрых пожитках. Когда же мне предложили пройти к столу и осмотреть украшения, с удовольствием увидела среди них свой браслет. Ощутила даже некое злорадство, что подарок у Филисии отобрали. Надо же, как быстро сориентировался управляющий, что пахнет жареным, раз забрал его у своей любовницы.

Что-либо доказывать насчет обручального кольца не видела смысла. Почему я должна объяснять разницу традиций? Если их женщины носят вместо колец браслеты, то это не делает их брак более законным, чем мой.

Аттан сидел весь такой уверенный, властный. Я чувствовала, как нервничает управляющий под его взглядом, но сама уже дошла до такого предела, когда ничего не

боялась. Говорить всю правду о себе я тоже не спешила. Что это изменит? Ведь он не обещал снять с меня рабский ошейник, и мой рассказ ничего бы не изменил. Лишь показал бы, что у меня не в порядке с головой, раз я придумала такую историю, и подтвердил бы, что заступиться за меня в этом мире некому. Поэтому я решила молчать до последнего об обстоятельствах своего появления здесь. Пусть лучше строит предположения и подспудно ожидает, что придется отвечать за мою незаконную покупку.

Я не была столь наивна, чтобы надеяться, что мне дадут свободу. Да и куда бы я пошла? Жизнь в поместье была не сахар, но и за его стенами не лучше. Одинокая женщина без сопровождения — легкая добыча для разных мерзавцев.

Не ожидала, что он меня так легко отпустит, даже не наказав. Хотя что он мог мне сделать? Выпороть? Так я не шутила, когда говорила, что хотя бы отлежусь, а в остальном я и так занималась самой черновой работой, ниже уже скатываться некуда. Украшения свои вернуть я и не надеялась, хорошо хоть, что травы и мазь позволил забрать. Сходив к себе и положив их на место, вернулась к прерванному занятию, раздумывая о нашем с ним разговоре.

Подозревала, что для аттана я была как невиданная зверушка, которая вызвала интерес своим нестандартным поведением. Такие, как он, не любят неразгаданных тайн, а я не имела ничего против, чтобы он начал их разгадывать. Может, если начнет выяснять, всплывет хоть что-то, проясняющее, как я здесь очутилась. К тому же, если начнут обо мне задавать вопросы, это может оказаться тонкой ниточкой для Влада в поисках меня. Надежда на него жила в моем сердце.

— Ты?! — Надо мной навис управляющий с гневным лицом. — Проклинаю тот миг, когда купил тебя и не дал сдохнуть!

У меня тоже накипело на душе и молчать я не стала:

— Конечно, это я виновата, что вы сняли с меня все украшения и решили оставить их себе. Это моя вина, что подарили браслет своей любовнице, где его видели все, кому не лень, и это дошло до аттана. — О своей роли в этом я решила благоразумно умолчать. — Это моя вина, что меня, свободного человека, продали как рабыню и надели ошейник.

В чем еще я виновата? — спросила его, вставая с колен и с вызовом смотря на него. — В том, что работаю с утра до ночи и не ропщу?

Управляющий в гневе смотрел на меня, и в какой-то миг мне показалось, что он ударит. Но нет, вместо этого он со всей силы пнул ведро, что оно покатилося, расплескивая воду, и чуть ли не выплюнул мне в лицо:

— Убери здесь и подойди к экономке.

Он ушел, широко шагая, переступая через лужу, а я растерянно смотрела ему в спину. Судя по тому, что он не злорадствовал, а был очень даже недоволен... к Агате следовало поспешить.

Даже предположить не могла, что дерзкое поведение с хозяином дома изменит мое положение к лучшему. Меня повысили, переведя в горничные, и жизнь стала намного легче. Я больше не таскала тяжести, а убиралась в комнатах, смахивала пыль и перестилала постель. Ничего такого, чего я не делала раньше у себя дома. На мытье полов меня больше не ставили, но и к гостям не выпускали. Сама Агата учила меня, как правильно обслуживать господ из высшего общества, но на этих занятиях я, положив руку на сердце, не была самой прилежной ученицей и зачастую специально делала что-то не так. Все потому, что, когда я немного пришла в себя и пофигизм, вызванный усталостью, прошел, мне стало плохо от осознания того, как я себя вела с аттаном. Запоздало проснулось чувство самосохранения, что ни говори. Появляться ему на глаза было банально страшно, и я всеми силами избегала наших встреч.

В доме первое время после моего разговора с аттаном и последующего повышения со мной вели себя настороженно, но я втягивалась в новые обязанности, хозяин ко мне интерес потерял, и постепенно все перестали относиться ко мне с опаской. Не скажу, что у меня появились подруги, все же болтушки Бетти мне не хватало, но и перекинуться парой слов с другими слугами могла.

Управляющий, сволочь, отыгрался на мне, присвоив новое имя Долли, которое ассоциировалось у меня с овцой. Я на него категорически не желала откликаться, притворяясь глухой, чем доводила его до белого каления. Ко мне так обращались лишь в присутствии управляющего, а в остальное время называли настоящим именем, что грело душу. Его любовница Филисия люто меня ненавидела. Она и так меня не жаловала, а после того как управляющий отобрал у нее браслет, совсем ядом изошла, видимо, обвиняя в этом меня. Каждый раз искала, к чему бы придраться, но я пока терпела, не желая идти на открытый конфликт.

Зато отношения с самой экономкой и другими обитателями дома у меня улучшились. Как-то вечером Агата пожаловалась на боль в ногах, а я, к счастью, в это время оказалась рядом и услышала. Тут же предложила ей свою мазь. Она с опаской согласилась, а вскоре подобрела ко мне, из чего я сделала вывод, что мазь ей помогла. Когда поваренок сильно порезал руку, я тут же сбегала к себе за травами, останавливающими кровь, и сделала ему повязку. По правде говоря, там шить надо было, но я не врач и сделала что смогла. Рана очень быстро зажила, не оставив даже шрама, а ко мне потянулись все со своими болячками. Оказывается, у дворецкого была подагра, у лакея болела спина, у одной горничной не проходила язва на ноге, другая страдала варикозом.

Очень быстро мои запасы трав и мази испарились, и я прямо заявила, что мне нужно сходить к Варлее их пополнить. Отправляли меня к знахарке всем домом в лучших традициях шпионских фильмов. Выгадали время, когда аттан уехал с управляющим что-то осматривать, Филисию отвлекли, и я незаметно ускользнула.

До дома Варлеи добралась без приключений. Когда шла через лес, то с сожалением посмотрела в сторону озера, но купаться времени не было, да и после последнего раза мне было страшновато раздеваться. В поместье я приноровилась мыться в тазике. Для этого даже

таскала каждый вечер наверх воду. Надо мной посмеивались и считали это причудой. Пусть лучше так, потому что когда устраивались банные дни для прислуги, я не могла заставить себя залезть в лохань, где до меня уже мылись несколько девушек. Обидно, что водопровод был подведен только в комнатах аттана и гостевых. Удобрства распространялись лишь на господ, но не на слуг.

— Вика! — ахнула Варлея. Она что-то делала во дворе и издали увидела меня.

Я чуть ли не бегом сократила между нами расстояние и на радостях обняла ее.

— Как ты? Почему не приходила? Управляющий заглядывал, спрашивал, чем ты была больна и какие повреждения у тебя были, но не объяснил, зачем ему это надо. Я уж не знала, что и думать.

— У меня все хорошо. Из дома управляющего перевели в главный. Сначала тяжело было, но по приказу аттана меня сделали горничной, и сейчас жизнь сносная. Варлея, у меня мало времени. Хочу поблагодарить, что научили всему. Эти знания помогли мне наладить отношения со всеми, но у меня закончились травы и мази. Вот, это вам передали. — Я протянула ей увесистую корзину с продуктами, что собрали для нее.

— Пойдем в дом, — пригласила она.

Пока Варлея щедро делилась со мной запасами, я рассказала ей, как управляющему пришлось расстаться с моими украшениями и отдать их аттану. Знахарка как-то незаметно, задавая наводящие вопросы, вытянула из меня всю историю.

— Прямо так и заявила: «Управляющий — вор!» — всплеснула руками она, смотря на меня чуть ли не со священным ужасом в глазах.

— Варлея, я была измотана работой, да еще на руке его змеи подколотной увидела браслет. Мой браслет! Вот меня и прорвало.

— Он же тебя со свету сживет, — с беспокойством посмотрела она на меня.

— Управляющий не знает об этом. Он один раз попытался меня обвинить во всех своих неприятностях, но я молчать не стала, и больше он ко мне не цепляется.

Я не стала уточнять, что каждый раз, когда мы встречаемся, он убивает меня взглядом, но обходит стороной. Наверное, ждет, когда аттан уедет, чтобы отыграться. Перспектива этого меня страшит, но я сказала себе не переживать раньше времени.

Пока говорила, обратила внимание, что знахарка как-то скованно двигается.

— С вами все в порядке? — Теперь уже я забеспокоилась.

— Ничего, все пройдет.

— Что случилось? — всполошилась я. Варлея не хотела говорить, но мне удалось настоять, и она рассказала, что управляющий выместил на ней злость, избив за болтливость. Драгоценности тот снимал при ней, и он решил, что это она пустила слухи, которые дошли до аттана.

Никто не представляет, что творилось со мной в этот момент. Чувство вины смешалось с неконтролируемым бешенством.

— Да чтобы у него рука отсохла! — с ненавистью воскликнула я. В жизни никого так не ненавидела, как этого подонка. Поднялась же рука на старого человека. — Давайте посмотрю. Вас, может, от ушибов мазью помазать?

— Он мне ребро сломал, — призналась она. — Ничего страшного, мне уже лучше.

— Тогда нужно перетянуть, — уверенно произнесла я, судорожно вспоминая все, что помнила об этом.

Теперь уже я захопотала над знахаркой. Усадила ее и, не слушая протестов, помогла

раздеться. Увидев желтые синяки, прокляла еще раз управляющего и за мазью от ушибов все же метнулась.

— Да чтоб он спотыкался на ровном месте! Да чтоб у него член никогда не поднялся! — материлась я, осторожно втирая в кожу мазь.

— Девочка, а это-то при чем? Я уже стара для него, — усмехнулась Варлея, с благодарностью принимая мою помощь. У меня сердце сжалось от того, что ей некому помочь, и она была вынуждена после побоев справляться со всем сама.

— Зато я для него оказалась в самом соку.

— Он тебя принуждал? — дернулась она.

— Нет, я его водой ледяной окатила. Вот после этого он и отправил меня в поместье на самую грязную работу.

— Я боялась этого. Ты красива, а он не одну служанку попортил.

— Со мной он не на ту напал, — фыркнула я, беря материю и увязывая ее, а потом помогая одеться.

— Мне полегчало. Я сама, — сопротивлялась Варлея, но я не слушала ее. Мы еще немного поговорили, я заставила ее посидеть, и сама сварила укрепляющий отвар. Не ушла, пока она не выпила все до дна. Не хотелось уходить, но время поджимало. Немного успокаивало, что когда она меня провожала, двигалась заметно бодрее.

Моя вылазка к Варлее удалась. Я успокоила знахарку, которая искренне за меня переживала, пополнила запасы трав, побаловала ее вкусностями, что выделил повар с разрешения экономки, и успела проскользнуть в дом с черного входа как раз тогда, когда аттан с управляющим заходили с главного.

Не успела войти, как все забегали. Оказывается, управляющий неудачно споткнулся и ушиб руку. Они поэтому раньше вернулись. Аттаны тут же послали за доктором. Узнав об этом, я почувствовала странное удовлетворение. Вот есть Бог на свете!

Пока все взволнованно обсуждали происшествие, я подумывала быстро сбегать наверх и отнести к себе травы, но решила немного отдышаться. С этой беготней вверх-вниз за целый день бессчетное количество раз никакого фитнеса не надо. Для начала прошла на кухню, передала повару травку, что мне дала для него Варлея, и услышала бурные восторги. Оказывается, она довольно редкая. Ее добавляют в соусы, и она придает пикантную нотку. Повар тут же выпал из реальности, обдумывая, как лучше ее использовать. Эх, хоть кто-то счастлив был. Я улыбнулась, глядя на него, но моя улыбка тут же пропала, как только мне передали, что меня желает видеть хозяин. Мы с поваром обменялись настороженными взглядами. Неужели ему доложили, что я отлучалась?! Делать было нечего, и, оставив у него корзину с травами, я пошла.

Аттаны разместили управляющего в библиотеке. Я впервые зашла сюда. Внимание привлекли стеллажи с книгами, размещенными в два яруса, и я даже не сразу увидела управляющего, который сидел в кресле и прижимал к груди руку. В здоровой он держал стакан, и там наверняка плескалось что-то крепкое. Сам аттан стоял у окна и при моем появлении обернулся.

— Вызывали? — скромно поинтересовалась я. При виде хозяина дома меня взяла оторопь. Он стоял вполборота ко мне, и была видна здоровая часть лица. Настоящий аристократ: холодный и недоступный. Он выглядел недовольным и хмурым, а его пальцы

крепко сжимали набалдашник трости.

— Да, — отрывисто произнес он. — У тебя есть что-нибудь унять боль?

— Что? — растерялась я.

— Мазь, отвар, настойка? — нетерпеливо перечислил мужчина.

— Я не врач.

— Да что ты? Думаешь, я не в курсе, что ты лечишь весь дом? Принеси что-нибудь.

«Он знал?!» — не могла поверить я, осмысливая информацию, а потом сообразила, кому требуется помощь.

— Как вы верно заметили, я лечила весь дом и... у меня закончились все запасы трав.

— Не ври мне! — не поверил он. Вот до чего недоверчивый, однако. — А если мы поднимемся и проверим?

— Проверьте, — не сдержала усмешки я, испытывая облегчение от того, что не успела отнести к себе травы.

Агтан внимательно следил за моим выражением лица и понял, что я не боюсь проверки.

— Тогда сходи к знахарке за ними. Скажи, я прислал.

— Слышала, она не встает. Занемогла. Какой-то подонок поднял руку на старую женщину, — бросила я взгляд на управляющего, а он заскрипел зубами, то ли от злости, то ли от боли.

Агтан тоже посмотрел на него, а потом перевел взгляд на меня, изогнув вопросительно бровь. Я скопировала его выражение и послала ему многозначительный взгляд.

Посмотрев еще раз на управляющего, заговорила ележным голосом:

— Конечно, я могу сходить к ней и сказать, что господину управляющему требуется помощь. Уверена, она не откажется облегчить его муки.

— Не надо! — сдали нервы у того. Еще бы! Я создала впечатление, что Варлея слегла, добавьте сюда возраст, и, ясное дело, — он испугался, что знахарка в отместку его отравит, сама стоя одной ногой в могиле.

— Что ж, не будем беспокоить старую женщину. Можешь идти, — отпустил меня агтан. Я не заставила себя упрашивать и поспешила покинуть их общество.

— Ну?! — с плохо скрытой тревогой спросили меня в один голос повар и экономка, стоило мне появиться на кухне.

— Просили, чтобы я болеутоляющий отвар приготовила.

— У меня горячая вода есть, что еще надо? — тут же с облегчением проговорил повар.

— Ничего. Я сказала, что у меня запас трав закончился.

— Так... э-э-э, — бросил тот растерянный взгляд в сторону корзины.

— Пусть она пока тут постоит? — попросила я. — Просто после визита управляющего к знахарке та неожиданно слегла от побоев и перелома ребра.

Повар с Агатой обменялись понимающими взглядами, и мужчина ответил:

— Отчего же, пусть постоит, у меня и место для хранения подходящее есть. Да и зачем тебе их в комнате держать? Тут и приготовишь сразу, если понадобятся.

— Да-да, правильное решение, — кивнула экономка.

Я благодарно улыбнулась им, и на душе стало теплее. Неожиданная дружеская поддержка очень много значила для меня, и я себя ощутила уже не такой одинокой в этом мире.

Приехавший к пострадавшему врач перелома у того не обнаружил, посоветовал

прикладывать холод и просто дать руке покой. Аттан предложил освободить управляющего на несколько дней от дел, но тот протестовал и уверял, что с ним все в порядке. Явно боялся, что хозяин возьмет бразды правления на себя и докопается до чего-то лишнего.

Итак я слышала, что аттан изучает книги учета. Заняться ему было нечем. Гостей, первое время повадившихся засвидетельствовать почтение, он быстро разогнал своим ледяным и высокомерным отношением, недвусмысленно давая понять, что на данный момент визиты неуместны. Да и многие молоденькие девушки, с которыми соседи приезжали в гости, с трудом удерживали вежливую мину при виде шрама, уродующего аттана. Это мне служанки, прислуживающие гостям, рассказали.

Несколько дней, прошедших после происшествия с управляющим, прошли спокойно. Рука у того не проходила, и он носил ее на перевязи. Стал более раздражительным, но оно и понятно. Филисия меня не задирала, видимо, переживая за любовника.

— Протри пыль в библиотеке, — приказала она, встретив меня в коридоре. Вообще-то там другая девушка убиралась, но, решив с ней не спорить, я направилась туда. В доме благодаря связи с управляющим Филисия была за старшую горничную, и ничего необычного в ее приказе не было.

Странно, но комната выглядела прибранной. По крайней мере, пыли я не заметила, да и на столе у окна лежала раскрытая книга, и стояли писчие принадлежности. С любопытством я приблизилась к столу. Заглянула в книгу и увидела записи с цифрами. Видимо, одна из книг управляющего.

— Вика? Ты что здесь делаешь? — В библиотеку зашла Рина. Кажется, это она здесь убирает.

— Филисия приказала убрать здесь.

— Да? — удивилась она. — Ладно, тогда мне поможешь.

Она показала мне, с чего начинать, и мы принялись за работу. Минут через пять зашел лакей и сразу прошел к столу. Что-то там поискав, обратил внимание на нас:

— Вы часов не видели?

— Нет. Не видели, — ответили мы практически в унисон. Тот нахмурился, заглянул под стол, походил вокруг кресла, а потом ушел. Вскоре, тяжело ступая, пришел сам аттан. Лакей маячил за его спиной. Перебрав вещи на столе, он посмотрел на нас:

— Вы часов не видели?

Мы отрицательно покачали головами.

— Я последний раз смотрел на них, когда мне сообщили о приезде Варгоса. С собой я их не брал, — вслух размышлял он, а потом спросил: — Кто еще сюда заходил?

— Наверное, Филисия, — ответила я, начиная подозревать неладное. — Она встретила меня в коридоре и направила убираться здесь. Получается, знала, что вы ушли отсюда.

— Позови ее! — приказал аттан лакею.

Мы не очень активно продолжили уборку, а хозяин дома сел за стол и в раздражении захлопнул счетную книгу.

Пришла Филисия и, стрельнув глазами на нас, поклонилась аттану.

— Ты заходила сюда? — резким тоном спросил он ее.

— Никак нет.

— Ты направила сюда на уборку рабыню, значит, знала, что я вышел. Кого-нибудь поблизости видела?

— Простите, но я никого сюда не направляла, — ответила мерзавка. — Здесь убирается Рина, и она вполне справляется со своими обязанностями.

Все посмотрели на меня, но чего-то подобного я и ожидала.

— Знаете, думаю, часы нужно поискать в моей комнате. Уверена, что они найдутся под кроватью или в сундуке, — чуть ли не весело произнесла я. Забавно, в воровстве меня еще не обвиняли.

— Что ж, пройдемте, — только и ответил аттан.

Это он, конечно, погорячился. Подниматься по лестнице пришлось высоко, и мужчина преодолевал ее медленно, но и мускул не дрогнул на его лице, лишь проступившая испарина свидетельствовала, что ему больно. Мы остановились перед моей дверью, и я сделала приглашающий жест лакею, чтобы он открыл дверь. Сама заходить в комнату не стала.

Аттан кивнул тому головой, и он распахнул дверь, проходя. Обстановка у меня была скудная, и поиски не должны были затянуться. Я отметила, как хозяин дома обежал глазами мой закуток. Что-то мне подсказывало, что о том, как и где живут слуги, он был лишь наслышан.

— Постель сразу проверьте, — посоветовала я лакею, который осматривался, решая, с чего начать. Он бросил на меня взгляд, сбитый с толку моим поведением. Вроде бы меня в воровстве обвинили, а я тут ему в поисках помогаю и расстроенной не выгляжу. Тем не менее он отодвинул тоненькое одеяло и поднял подушку.

— Вот они! — удивленно воскликнул он.

— Не трогай! — властно одернул его аттан и сам зашел в комнату.

Достав белоснежный платок, подцепил им часы и, не задерживаясь, вышел.

— Что вы на это скажете? — спросил он меня, демонстрируя улику.

— Вам — ничего, а вот ей... — повернулась я к Филисии, которая с трудом скрывала свое торжество. — Только такая недалекая и тупая дура, как ты, могла меня так бездарно подставить! Я тебе не забитые девочки из деревни, которых ты выживала из дома. В отличие от тебя у меня есть мозги, и, реши я что-то украсть, то никогда бы не прятала улику у себя. Для этого есть множество мест. Да хоть те же напольные вазы в холле! Их изнутри мы никогда не протираем, и часы там никогда бы не нашли.

— Ты сейчас все что угодно скажешь, — покраснела от злости та.

— Молчать! — осадил нас аттан, напомнив о своем присутствии. — Следуйте за мной.

В том же порядке мы вернулись в библиотеку. У входа в нее он приказал лакею и Рине подождать за дверью, а мы вошли вслед за ним. Первым делом хозяин прошествовал к столу и сел, положив перед собой часы.

— Подойдите, — обратился к нам. Мы придвинулись ближе. — Что скажете?

— Это она украла, а теперь выкручивается! — тут же уверенно произнесла Филисия.

— Я уже все сказала, — не стала ничего доказывать я.

— Хорошо. Тогда я сейчас активизирую поисковое заклинание, и часы поползут к тому, кто последний брал их в руки.

Филисия, кажется, побледнела, а мне стало смешно от такого заявления, и ничего, кроме любопытства, я не испытывала.

Аттан что-то прошептал и провел рукой над часами. Они дрогнули, а потом цепочка, которая крепилась к их корпусу, ожила и, извиваясь словно змея, поползла в сторону Филисии.

Девушка взвизгнула и буквально отпрыгнула от стола.

— Нет-нет! — вскрикнула она.

— Зачем ты их взяла? — ледяным тоном потребовал ответа аттан, привставая и подхватывая часы, которые чуть не упали со стола, стремясь догнать девушку. Он сжал руку, и они успокоились. Я отметила, что на его лице проступила бледность.

— Хотела, чтобы ее выпороли! Она рабыня, никто, а нос задирает, как... как... — дрожащим голосом произнесла Филисия и расплакалась.

— Выпороть, говоришь... — медленно повторил аттан, с безучастным видом смотря на нее. — Что ж, ты сама выбрала себе наказание. Двадцать плетей, и чтобы завтра ноги твоей не было здесь. заменишь служанку в доме управляющего, если он согласится тебя взять. Пошла вон!

Поклонившись, та поспешно покинула комнату, а я догадалась, что он в курсе ее амуров.

— Ее и правда выпорют?! — потрясенно посмотрела я на мужчину, как только за ней закрылась дверь, даже не зная, как реагировать на подобное наказание.

— Тебе ее жаль? — приподнял он бровь.

— Это же варварство!

— На ее месте могла быть ты.

— Почему вы мне поверили? — не могла не спросить я.

— Поверил?! Твои доводы были убедительны, но все подтвердили часы. Ты же сама видела, что они отреагировали именно на нее.

— Да ладно вам! Эти фокусы хороши для служанок: чуть часы сдвинулись, и она со страху во всем призналась. Честно говоря, не ожидала, что вы будете из себя волшебника разыгрывать.

— Разыгрывать?! — как-то странно посмотрел на меня он.

— Только не говорите про магию! Эти балаганные фокусы хороши для неокрепших умов селян. У нас такое фокусники вытворяют... — начала говорить я и осеклась, проклиная себя за болтливость.

— Такое? — спросил он, и над его раскрытой ладонью вспыхнул огонь, размером с теннисный мячик.

— Здорово! — восхитилась я, улыбнувшись и протягивая к огоньку руку.

— Тебя не учили не совать руки в огонь? — в раздражении спросил аттан, отводя свою ладонь и гася светящийся шарик.

[Купить полную версию книги](#)